

Наталья КОЛЕСОВА

Найдёныш

Повесть

**Новокузнецк
2021**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

Найдёныш

Повесть

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

К60 **Найдёныш** : повесть / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Compani, 2021. – 76 с.
12+

Новая повесть новокузнецкой писательницы, написанная в межавторском цикле «Аква». Предыдущую повесть Натальи Колесовой с этим героем «Вслед за радугой» можно прочитать в антологии «Аква. Юг. Кипящее море» (М., 2020)

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Наталья Колесова

Фото Валерия Немирова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». С 2009 по 2020 год в московских издательствах вышло десять её книг, а также публиковались её повести и рассказы в журналах и сборниках. Последние издания её книг выходят в серии «Грани миров Натальи Колесовой».

В Новокузнецке вышло десять книжечек Натальи Колесовой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он всё забыл.

Нет, он помнил, как ходить, сидеть, лежать, есть и пить – но тоже самое умеет любой сухопутный зверь. Или птица. Он позабыл и самую обычную человеческую речь, пришлось заново учиться говорить – будто он несмышлёный малыш, только-только делающий свои первые шаги. Да и мало было научиться понимать, изъясняться, мало затвердить названия предметов – ещё и назначение многих ставило его в тупик. Будто он впервые их видел и в руках держал.

Вот как сейчас.

Крутит в пальцах челнок для вязания сетей. То так приложит к нити то эдак, подцепит, выдернет... Ну никаких сил нет на это смотреть!

Дед Шин в сердцах огрел по склонённому, непривычно черноволосому затылку: хотя сила уже не та, у парня аж зубы клацнули, уронил и иглу и мотовило.

– Да что ж ты делаешь, малахольный! Я ведь тебе только что всё показывал! Старайся!

Молча глянул из-под будто подведённых бровей своими жутковато-нездешними глазами – что тебе дыры чёрные! – наклонился, подобрал инструмент, аккуратно положил на лавку и... направился к морю, не слыша, не оборачиваясь на оклики и брань, несущиеся следом. Догнать бы, затрещин надавать, да с одной артритной, а другой деревянной ногой по мокрому песку за молодым парнем не набегаешься.

– Вот ужо гляди, пожалуюсь я твоей хозяйке! – бессильно пригрозил Шин. Хотя и та по-своему малахольная, конечно... Уже без надрыва глотки грозил – толку-то, всё равно уже не услышит! Вон, стоит по своей вечной привычке на самой кромке берега: тощий, прямой, руки за спиной сложены. Всё глядит в гнилую южную сторону, беду кличет...

С юга-то его и принесло однажды.

День Большого прилива случается несколько раз в году, когда в небесах Брат с Сестрицей на особицу выстраиваются: вода уходит прямо на глазах, бывает, аж на несколько миль от берега отступает. Только знай-успевай набирать всяческих гадов-ракушек придонных, лови неуплывшую рыбу и осьминогов, трепещущих в подводных омутах; водоросли рви копнами... А когда море, наконец, возвращается, жди подарков: то туши погибших зверей, когда невиданных, иной раз чудовищных; почерневшее, ставшее от воды просто железным дерево; остовы погибших кораблей, коли повезёт – и остатки их грузов.

А прошлый раз прибило вот этого...

Как раз Ингрид тогда и свезло. Хотя, везенье, конечно, то ещё. С гнильцой.

Углядела в ровно наступавшем приливе человека, вытащила за шиворот на берег. Народ столпился, про собственные находки позабыв. Гадали, откуда мертвяка принесло – с корабля потопшего или с палубы волной смыло; а то и островитянина – вон какой чернявый – течением в море утащило? Не обращавшая внимания на это глубокомысленное обсуждение Ингрид находку свою так-сяк ворочала, трогала, растирала, давила – и на глазах поражённых людей ожил мертвец! То есть глубоко вздохнул, закашлялся, глаза открыл – мутные, тоже чёрные, будто их рыбы повыели. Произнёс что-то непонятное, на языке нездешнем (и впрямь островитянин) и опять забылся. Все решили: не жилец.

Но не Ингрид. Девка упёртая, выходила-таки бедолагу, ещё одного проглотила своей семье добавив. Уж к какому только делу найдёныша приспособить ни пытались – не получается, ни к чему не годный, хоть ты его обратно в море бросай! Вроде и послушен, и понимает, и старается, а толку выходит чуть! А едва лишний разок ругнёшься – как тут удержаться? – глянет, ровно тан¹ какой, свысока, вот как сейчас развернётся – и нет его. Даже если изловишь потом, вроде как сразу гложет, забывает даже то, что раньше хорошо делал.

Нет, никакого толку от него не будет, так и знай, Ингрид! Так, ворча своим мыслям, старый рыбак вернулся к сетям.

Ингрид знала. Но было ей сейчас совершенно не до бестолковости Найдёныша, не до недовольства старого Шина или даже собственной родни. Сидевшая за письменным столом девушка с раздражением взирала на младшего братца своего Питера яр Пассата, кракен его заberi. Вымахал ростом с мачту, плечищи – в пору взрослому мужику, кулачищи кувалдами... а ума ровно столько, сколько и десять лет назад.

– Повтори-ка ещё раз, – сказала на пределе терпения. – Правильно ли я тебя расслышала?

– Вроде до учёбы у тебя слух был что надо! – буркнул любезный братец. – Муссонцы в университете что-то с твоими ушами сделали? Говорят, они с чужаками не церемонятся, тут отрежут, там пришьют...

И прикусил язык, когда старшая сестра грохнула кулаком по столу, а кулаки у неё будь здоров, залепит – мало не покажется, плавали, знаем! Подскочили и покатались писчие приборы, на бумаги из чернильницы выплеснулась изрядная клякса.

¹Тан – глава клана мореходов.

– Собрался наплевать на семью, бросить свой собственный клан и уйти с Циклоном?! С этим... отребьем? – Похоже, несколько лет учёбы в муссонской столице приучили сестрицу к тамошнему этикету – уже не сыплет направо-налево привычной бранью, в себе ругательства давит, а то бы сейчас он многое узнал и об «отребье», и о самом себе. – С пиратами?!

Питер от души возмутился:

– Чего это сразу пираты-то?! Капитан Анжэ де Циклон никакой не пират!

– А ты откуда знаешь?

– Все говорят!

– Кто говорит? Опять шлялся по кабакам портовым? Всё бы тебе чужие враки слушать, да пиво с ромом глыкать! Работать кто будет?

– На себя посмотри! – огрызнулся брат. Хотя самое время отмолчаться, пока добрая сестрица на него всех собак – живых и дохлых – не навешала. – Ты же первая семью и клан бросила, не правда, что ли? Захотелось, видите ли, ей учиться в университете, да не абы каком, а муссонском! И как, многому научилась? Сколько мы на тебя денег потратили – а толку? Три года бездельничала среди этих му... муссонцев, а теперь возвратилась как ни в чём не бывало! И я после этого тебя ещё слушаться должен?

Тут Ингрид яру Пассат взъярилась окончательно – отчасти оттого, что имелась в братовых словах некая толика правды.

– «Мы» потратили? Мы?! Да ты хоть десятую часть мара за всё это время сам заработал?

Зря Питер самонадеянно полагал, что сестра после нескольких лет протирания штанов-юбок на университетской скамье обмякла мускулами, растеряла свою привычную драчливую сноровку, а он, наоборот, приобрёл. И минуты не прошло, как младшенький, отрада материнского сердца и тайная слабость отца в одном лице, вылетел из дому с расквашенным носом и подбитым глазом, да не просто вылетел – ускоренный любящим сестринским пинком. Ингрид ещё и разразилась, наконец, вослед длинной тирадой, части которой он даже не понял, хотя о смысле догадывался: не иначе как у своих высоколобых муссонцев такие непонятные, но обидные словечки подцепила! Народ, проходивший по улице, даже приостановился, заслушавшись. Вытерев юшку, побитый, но не побеждённый парень мудро рассудил, что связываться с бешеной девкой нет резона: ну отлупит её, а толку, всё равно никакого почёта от того ему не прибудет, а ежели вдруг (скорее всего!) она его?.. Оставалось только сплюнуть кровавой слюною и отступить.

На время.

Ингрид же ещё с рычанием пометалась по конторе, пиная попадавшиеся на пути тяжёлые табуреты и лавки. Деревяшки гремели,

отлетали и падали – некоторые ей же самой на ноги, что успокоения, понятно, не добавляло. Поэтому когда в распахнутую настежь дверь деликатно поскреблись, она, круто развернувшись, рывкнула:

– Ну, что ещё?! – прямо в лицо не вовремя заглянувшему Найдёнышу. Увидев, как тот в натуральном испуге вцепился спиной в косяк, проворчала тоном ниже, всё ещё исходя огнём и ядом: – А, это ты!..

Плюхнулась в кресло. Мрачно уставилась на залитые чернилами только что кропотливо сведённые счета: начинай сначала! Что за кракенёныш проклятый!

Парень прошёлся по конторе, аккуратно поднимая и расставляя мебель. Собрал в стопочку и аккуратно выровнял снесённые сцепившимися родственниками приходные-расходные книги. Прикрыл распахнувшиеся дверцы шкафчиков.

Ингрид следила за ним исподлобья, медленно успокаиваясь. Вот что этот... ч-чудак опять на себя нацепил?! Только отвернёшься, а на нём опять какая-то натуральная занавеска вместо нормальной одежды: мол, не могу, хозяйка, такое носить, ткань слишком грубая, кожу натирает просто до сыпи... И расцветка всегда вырви глаз, такую бы на корабельные флаги в открытом море, даже посреди шторма сразу заметишь! Всё больше алая, прямо под их цвет, цвет клана Пассат. Надо свозить его на ярмарку, прикупить, в самом деле, вещей из материалов хороших, добротных...

Точнёхонько подгадав момент, когда гнев хозяйки остыл, Найдёныш ненавязчиво примостился у её стола. Продолжил машинально наводить порядок и здесь: очиненные перья и ручки в одну сторону, карандаши шеренгой в другую, абак по правую руку Ингрид, чистую бумагу по левую. Огорчённо покачал головой, рассматривая испорченные счета, – насупленная девушка вырвала те у него из рук, скомкала, с силой швырнула в сторону двери; бумага улетела недалеко, шлёпнулась на пол, хотя бросок был что надо. Вот так всё в её жизни: стараешься-стараешься, все силы вкладываешь, а толку – чуть!

Словно угадав её мысли, Найдёныш произнёс:

– Вы его не удержите.

Ингрид вновь вспыхнула, парень тут же вскинул ладони, как бы защищаясь от её гнева.

– Кто вас саму заставит делать то, что вы не желаете? И у вашего брата точно такой же нрав.

Ингрид вздохнула, обвела взглядом с детства знакомый кабинет. Кто заставит? Вот же она, как миленькая, сидит здесь, хотя должна и желает быть совершенно в другом месте.

– И что ты предлагаешь? Благословить мальчишку на рейд с пиратами? Да я свяжу его по ногам и по рукам и запру в сарае, пока этот циклонский пройдоха не уберётся!

– Но потом на остров придут другие, – резонно возразил Найдёныш. – Не будете же вы всю жизнь держать его взаперти?

– Мать бы только порадовалась, – буркнула Ингрид.

Чистая правда, между прочим. Иногда казалось, что у родительницы, кроме последыша, других детей и вовсе нет. Старшие сыновья уже взрослые, своих отпрысков полный дом. Дочь случилась малость малахольной, зато несколько лет родителям глаза не мозолила, семью не позорила. Вот и остался под боком единственный ма-аленький... Не от этой ли материнской любви-заботы и рвётся Питер куда-нибудь удрать – хоть к пиратам, хоть за самый Барьер?

Найдёныш как будто её мысли подслушал:

– Ваш брат уже вырос. Надо доверить ему какое-то важное дело.

Ингрид фыркнула:

– Дело? Счета вести для него, видите ли, слишком скучно, рыбачить слишком тяжело, кита бить – значит, уходить в море слишком надолго... Мне что же, бродячих актёрок нанять, чтобы его в работе развлекали?

Найдёныш улыбнулся: в уголках очень тёмных глаз пролегли смешливые морщинки, подсказывавшие, что раньше, до появления на Кроне, парень улыбался куда чаще. И что не так уж он и юн, а то из-за своей хрупкости и гладкой нежной кожи лица и рук иногда кажется ровесником Питера.

– От актёрок и я бы не отказался!

– Не сомневаюсь, – мгновенно отозвалась Ингрид, – ты ведь работать тоже не слишком-то разбежишься!

Сказала – и тут же пожалела. Найдёныш перестал улыбаться, отдернул пальцы от карандашей, которые машинально поглаживал – словно она его по этим рукам отхлестала. Глаза опустил.

– Простите, хозяйка. Я буду стараться.

Пустое обещание! Досадуя на него и на себя, девушка отмахнулась.

– Да ладно! Ты главное у меня в падучей больше не бейся и ни с кем не ругайся!

– Не буду биться! – пылко заверил Найдёныш. – У меня, как в лодочный сарай переселился, припадка ни разу не было!

Отчасти и она в тех случившихся припадках виновата – не сразу поняла, что подарочек от Большого прилива жить на суше не сможет. В самом натуральном смысле. Да и кто бы догадался?

...Через пару дней лежанка больного оказалась пустой. Обнаружили его уже на берегу, без сознания, у самой кромки воды. Отвели душу в ругани, обратно утащили. На следующий день та же история. И через день. Словно найдёныш упорно норовил утопиться. Или вернуться обратно в то неведомое место, откуда его принесло водой. Прямо хоть привязывай его! А и привязали.

И тогда парня начало бить в припадках. Страшное дело, кто видел – знает: глаза белые, на губах пена пополам с кровью от прикушенного языка, тело дугою... И знахарки, и врач, на которого Ингрид не поспешила, лишь руками разводили: может, последствия ушиба головы, может, воды нахлебался, а может, он вообще такой с детства, кто его знает? Чем бы всё закончилось – или бы парень оклемался, или окончательным инвалидом стал, а то и вовсе помер... кто знает. Помог случай. Во время очередного припадка отчаявшаяся Ингрид поволокла найдёныша на берег – вдруг сведённые судорогой конечности в тёплой воде попустит? Хотя сейчас утверждает, что тогда тащила его просто топить, чтобы не мучился и её не мучил, и сколько в той мрачной шутке от шутки... Однако в воде не только тут же припадок прекратился, так ещё и чужак глаза открыл, заулыбался. Вот так чудо!

Со временем, разобрались, конечно, что вовсе не нужно Найдёнышу постоянно в море мокнуть, словно дельфину какому-то, главное – чтобы под ним по большей части суток была вода. Кто-то из стариков припомнил: встречаются в океане племена, которым земля и не нужна вовсе, живут они прямо на сцеплённых вместе плотках с парусами-вёслами, дрейфуют по воле волн и течения. Может, как раз такую водную деревню разрушило сильным штормом или тамошнего жителя волной с плота смыло? Ещё и Ингрид невзначай обнаружила, что в воде у парня уши закрываются перепонками и, хотя запретила о том рассказывать (а то ещё начнут звать рыбоухим!), окончательно уверилась в версии морского народа.

Факт есть факт: как Найдёныш переселился в подлатанный лодочный сарай, что на сваях над водой, так сразу на поправку пошёл.

Жаль только, память к нему не вернулась.

Найдёныш кашлянул, привлекая её внимание. Тоскливо взявшись вновь разбирать счета, Ингрид спросила, не поднимая головы:

– Ты ещё здесь?

– Хочу заступиться за того циклонского капитана ...

Девушка вскинула на него глаза – тёмно-синие, розовые.

– Заступиться? Неужто твой давний знакомец?

Найдёныш улыбнулся одними губами:

– Даже если и знал его раньше, сейчас всё равно не вспомню!

– Это верно. И потому на что оно мне, заступничество твоё?

– Не могу с уверенностью сказать обо всех предыдущих рейдах Анжэ, но этот у него точно не пиратский, и не разбойничий набег на прибрежные поселения. Его наняли учёные Муссона, вы же знаете, они частенько используют циклонские корабли.

Ингрид задумчиво постучала по плотным зубам только что очиненным им пером.

– Вот как? Интересненько...

Он очень на это надеялся.

– А ты откуда об этом знаешь?

Найдёныш, не хуже Питера ранее, ответил в том смысле: «все говорят». Ни с кем особо не дружен, тесно не общается, но откуда-то чуть ли не первым узнаёт новости: хороший слух, острый глаз, ясный ум, быстро анализирующий сплетни, события, тенденции и приносящий выводы на тарелочке ей, Ингрид. Уже пару раз эти его сведения оказывались очень даже полезными. Стоит проверить и сейчас.

Решительно отодвинув бумаги, девушка поднялась.

– Вот что, пойду-ка я потолкую с тем самым циклонцем!

Боясь спугнуть удачу, он спросил нейтральным тоном:

– И о чём же?

– Скажу, чтобы ни в коем случае не вздумал брать нашу мелюзгу к себе на борт! – Девушка накинула куртку и широкими шагами покинула кабинет. Найдёныш вздохнул: он ведь надеялся добиться несколько иного! Ну... для начала и это сойдёт. Покачался на стуле, рассматривая беззаботно оставленные на виду документы – воспользоваться случаем? Остальные четыре рода клана Пассат дорого бы дали, чтобы заглянуть хоть одним глазком в кое-какие из них... Полистал ближайшую книгу и отбросил. Вновь осмотрелся.

Что-то было не так. Как-то тревожно.

А! Он беспокоится за хозяйку. При всей своей силе, решительности, смекалке Ингрид бывает иногда удивительно наивной. Слишком откровенной. Прямолинейной.

Говоря проще – как бы куда не вляпалась!

Найдёныш аккуратно прибрал бумаги в стол, запер на ключи шкафчики у окон; связку, взвесив на ладони, прихватил с собой. Напоследок тщательно замотал дверную щеколду – прежде чем войти в контору, придётся изрядно повозиться. Вот так-то лучше! Не понимает он этой жизни нараспашку.

Оглядевшись, Найдёныш поспешил за уже скрывшейся хозяйкой по дороге, ведущей в порт.

Анжэ де Циклон, капитан корвета «Морской пёс», уже не первый день гулял в кабаке «Моржовый клык» – отчего ж не повеселиться напоследок перед дальним, а если верить этим яйцеголовым муссонцам, ещё и опасным походом? Правда, что-то не припоминается, когда хоть один его рейд был безопасным до унылости!

Чтобы далеко не ходить, время зря не тратить, он даже к себе на корабль не возвращался, ночевал тут же в комнате наверху; когда один, а чаще в приятной компании: портовых девок, роившихся возле молодого и щедрого циклонца, можно было просто как мух разгонять.

Поднеся к губам кружку с пивом – начинаем с лёгких напитков! – Анжэ обвёл глазами заполненный до отказа зал. Как и многие кабаки рядом с портом «Моржовый клык» был не только едальней и пивной для завсегдатаев и приезжих, но и местом, где встречались деловые партнёры, заключались сделки – законные и не слишком, обговаривалось консорство, нанимались на судна моряки. И редко, очень редко забредали случайные люди.

Вон как эта только что вошедшая девица. Видно, что не развлекаться пришла и не постельным ремеслом подзаработать: уж больно строго и просто одета, и на свежем лице ни капли краски-штукатурки. Подойдя к столу у двери, что-то спросила; ко второму – тут ей пришлось шлёпнуть кого-то по лапе, ненавязчиво попытавшейся ухватить её за задницу. Анжэ наблюдал за посетительницей с ленивым интересом – по чести говоря, отвальная пьянка, не прекращавшаяся несколько суток, ему уже прискучила. Рослая, крепкая, похоже, ещё и при всех женских достоинствах, досадно скрадываемых просторным штормовиком. Прямо молодая резвая кобылка! На такой бы он и сам с удовольствием покатался...

Представившуюся заманчивую картинку как волной смыло, когда следующий стол, к которому упорствующая девица подошла со своим вопросом, разом обернулся, указывая кто рукой, кто пальцем, кто кружкой – но все в его направлении. Анжэ кисло отсалютовал в ответ собственной кружкой и принялся наблюдать, как девушка решительно проходит меж столов, отодвигает ногой тяжёлый табурет, молча плюхается напротив и деловито складывает руки. И всё это – не отрывая взгляда тёмно-синих глаз от анжэвской физиономии. Капитан двинул бровями и не нашёл ничего лучшего, как плеснуть пива во вторую кружку и катнуть по столу. Поймала! Осушила залпом, облизнула пену с губ – Анжэ автоматически уставился уже на её рот – и заявила:

– Я Ингрид яру Пассат! Из семьи старосты рода Остроги.

Больно длинное имя для девчонки. И смотрит так, словно он должен от этого её представления подскочить от радости. Или, что скорее, вернуть какой-то забытый долг. Ни того ни другого Анжэ делать не собирался, потому лишь пожал плечами.

– Ну что ж, за приятное знакомство! Меня зовут...

– Я знаю, как тебя кличут! И я бы не назвала наше знакомство приятным, – нахально заявила девица.

– Это уж воля твоя, – скорее позабавленный, чем задетый, Анжэ опять поднёс к губам кружку.

– Когда отплываешь?

– Когда мой ветер придёт.

Девица подозрительно прищурилась, почти сомкнув ресницы, тёмные, как и её брови – при традиционно белокурой на этом острове шевелюре.

– И когда же это случится?

– На всё воля Океана.

Расхожая фраза. На самом деле отплытие уже было назначено на конец недели, но не отвечать же ни с того ни с сего этой нахальной девчонке, правда ведь? И вообще, не любит он никому выкладывать свои планы – к чему дразнить судьбу. Ингрид серьёзно размышляла надо его уклончивым ответом: брови насулены, нижняя губа прикушена.

– А что? – продолжал развлекаться Анжэ. – Неужели пассажиркой хочешь попроситься? Или вовсе в команду? Так на моём корвете рыбачки, даже такие симпатичные, совершенно ни к чему. Да и наймом не сам шкипер, а боцман занимается.

Аж подскочила на табурете, будто её шилом в ягодицу кольнули.

– Ещё чего – к тебе на борт проситься! Предупредить хотела: ежели к тебе придёт парнишка и назовётся Питером яр Пассат из...

– Понял-понял, – перебил он, – из семьи старосты рода Остроги! Твой брат? Женишок?

– ...ни в коем случае его не бери! – строго указала девица.

Хотя команда была полностью укомплектована, и в наличии на борту рыбачьих отпрысков он и в самом деле не нуждался, Анжэ возразил – чисто из чувства противоречия:

– Почему это? Если парень здоров, с руками-головой дружен, и пришёл ко мне по собственной доброй воле? Мы же не работорговцы и не какие-нибудь там охотники за головами, которые людей опаивают и продают на военные корабли поштучно тело!

– Ну так, – как бы ставя точку в этой нелепой, но забавной беседе, девица яру Пассат упёрлась растопыренными ладонями в столешницу, собираясь подняться. – Я тебе всё разъяснила. Ежели ты всё равно возьмёшь Питера к себе на судно, род Остроги расценит это как похищение с целью выкупа!

Анжэ терпеть не мог угроз – неважно, настоящих опасных предупреждений, или, как сейчас, пустых, пусть даже от синеглазых девиц с телом кровь с молоком – и потому лишь лениво ухмыльнулся.

– А ведь неплохая идея, кстати! Весьма благодарен тебе за наводку!

Девчонка вспыхнула, подалась к нему через стол, раскрыла рот – наверняка осыпать его ругательствами, на которые пассатовцы большие мастера, удивительно, что за всю беседу с розовых губ рыбачьей парламентёрши ещё ни единого скверного слова не слетело! – но тут на её плечи легли ручищи, и заметно пьяный, хотя всё ещё чётко выговаривающий слова голос произнёс:

– И что тут за споры между влюблёнными, а?

подавившаяся проклятиями Ингрид напрягла плечи, пытаясь скинуть с плеч чужие лапы – бесполезно, её будто чугунными чушками к сиденью придавило. Повертела головой – разглядеть подошедшего, спина и затылок упёрлись в твёрдый живот, только и ухватила косым взглядом эмблему на синем форменном мундире: красные мечи на белом фоне. Военный или чиновник из Бриза?

Капитан Анжэ де Циклон – худощавый, с костистым ястребиным лицом, неожиданно молодой для своей громкой славы, лишь волосы с заметной проседью («перец с солью») делали его старше – улыбаться не перестал. Просто улыбочка из бесившей её лениво-насмешливой превратилась в дежурно-сухую. Серые глаза глядели теперь настороженно.

– Приветствую, офицер Ван дель Бриз. Какими ветрами в этом заштатном порту?

– Ну зачем же так официально? – Владелец лапищ наконец отпустил Ингрид, обрушившись на соседний табурет. Девушка отодвинулась, морщась от облака застарелого перегара – похоже, бризовец уже давно не просыхает! – Мы ведь с тобой старые добрые друзья!

Только после каждого слова можно ставить знак вопроса, подумал Анжэ, наблюдая, как девица показательно брезгливо отряхивает плечи, заодно разминая их, наверняка занемевшие от такой-то хватки. Старые? Ну есть немного. Добрые? Уже смешно! Друзья? С чего бы вдруг?

Нежданный-незванный друг с Бризоли без церемоний ухватил кувшин и, проливая пиво по щекам и на уже изрядно заляпанный мундир, опустошил большими жадными глотками. Со стуком опустил на стол.

– Уф. Хорошо! Жажда замучила. А ты, я смотрю, всё так же свеж и полон сил, а? С утра уже с девочкой развлекаешься!

– Для любви не существует запретного времени суток! – лирично прокомментировал Анжэ, заработав синюю молнию гневного взгляда.

– И поглядеть есть на что и пощупать, – развил свою мысль дальше Ван дель Бриз. И тут же эту самую мысль осуществил, судя по тому, как парламентёрша крупно вздрогнула. Однако на ругань и сейчас тратить время не стала – просто ухватила наглуую лапу и, ловко вывернув, вздернула кверху. Не ожидавший такого бризовец охнул, навалившись грудью на стол.

– Ну, ты!..

– Я всё сказала, циклонской капитан, – лаконично сообщила рыбачка, – запомни!

И ещё раз дёрнув за руку – «добрый друг», зашипев, замолотил ладонью по столу – отпустила бризовца и повернулась уйти. Триумфально.

Вот дурица, кто же оставляет таких за спиной?

Пьяный-пьяным, а метнувшийся за ней бризолец – тяжёлый и злой – чуть не уронил девчонку на пол.

– Куда пошла, шлюшка кабацкая? Это что ещё за обращение с клиентом?

Капитан Анжэ де Циклон открыл уже рот объяснить, что рыбацья девица не по этой части, но... скрестил на груди руки и устроился поудобнее. Вмешаться он всегда успеет, а представление обещало быть забавным. Остальные посетители на эту сценку особого внимания не обратили: ну разбирается мужик с бабой своей, ничего нового!

– Отпустил живо! – рыкнула Ингрид яру Пассат в багровое от злости и возлияний лицо бризольца.

– Вернулась назад, я сказал! Я тебе уходить ещё не разрешал!

Некоторое время двое, пыхтя, мерились взглядами и силами: ни девчонка не могла вырваться, слишком уж «приятель» был силен и тяжёл, ни бризолец не мог утащить её назад – слишком она была крупной и сильной. Без драки, похоже, не разойтись... Свободная рука Ван дель Бриза уже сжималась в кулак, а пальцы рыбацки скользили по поясу к потёртым ножнам, как неожиданно появилось новое действующее лицо. Между сцеплёнными телами аккуратно протиснулась чья-то рука, помахала в опасном перекрестье гневных взглядов, и приятный голос произнёс:

– Прошу господина дель Бриза меня простить, но девушка, кажется, против?

Анжэ де Циклон перестал раскачиваться на стуле и вытянул шею, а двое сцепившихся, повернув головы, уставились на вмешавшегося с одинаковым изумлением. Только реплики оказались разными:

– Тебе ещё что надо? Проваливай, пока цел!

– Найдёныш, не лезь! Моё дело!

Всё тот же безупречно вежливый голос продолжал:

– Не хотелось бы портить вам веселье, хозяйка, но я слышал, что калеченье эмиссаров Бриза – дело подсудное!

Ван дель Бриз неожиданно развеселился, даже хватку ослабил – воспользовавшаяся этим девица стряхнула его руку, отшагнула назад, и рядом с двумя противниками обнаружился третий, тут же ненавязчиво втиснувшийся между. Анжэ оценил грамотность подхода – отвлёк на себя, разъединил, заслонил... Хотя его самого не мешало бы заслонять; с первого взгляда заступника можно было принять за девицу: невысокий, стройный до хрупкости, с чёрными волосами волнами, миловидным лицом... и в каком-то непонятном широком ярком одеянии – жрец, что ли, какой туземный?

– Покалечит? Меня? Девка? – бризолец расхохотался. – Ещё скажи, что *ты* это сделаешь, шибздик косоглазый!

Собеседник тут же ему поклонился:

– Ну раз вы так этого желаете... – деловито намотав на руку болтавшуюся ткань своей хламиды, стал перед противником, до того напоминая напыщенной позой древнюю статую, виденную однажды в Бризоли, что Анжэ захотелось расхохотаться. Однако девица, топтавшаяся за спиной «статуи», не смеялась. Только и пробурчала безнадежно:

– Найденьш, ну хватит уже... пошли отсюда, а?

– Сейчас-сейчас, – отозвался тот, не поворачивая головы. – Ведь этот достойный господин сам вызвался, будет невежливо ему отказать... – И неожиданно повысил голос: – Все это видели?!

Заинтересованно оглядывавшиеся ближние посетители кивками и нестройным хором подтвердили: мол, да, сам нарвался, дурак бризовский! Верховный клан мореходов в окраинных землях не только традиционно не любили, но ещё и не стеснялись это показывать. Анжэ заметил, как кое-кто уже ударяет по рукам и звенит монетами, и, перестав посмеиваться, заинтересованно подался вперёд.

И всё равно он не успел заметить, что и как произошло. Вот решивший больше не тратить слов Ван замахнулся, а в следующий момент уже врезался в ближний стол – сидевшие за ним с ругательствами и смехом вытолкнули его обратно, к по-прежнему стоявшему неподвижно девичьему заступнику. Заскрипели сдвигаемые в стороны табуреты и лавки, зрителей заметно прибавилось, а сама защищаемая с длинным обречённым вздохом присела на угол анжэвского стола.

И пошло-поплыло! После каждого своего замаха, пинка, рывка бризолец неизменно оказывался либо на полу, либо на опустевших соседних столах: чернявый парень уклонялся лишь в самый последний момент, «провожая» нападавшего ладонью, локтем, плечом... Народ, дорвавшийся до бесплатного представления, одобрительно ревел-ругался, свистел и топал ногами. Анжэ глянул на рыбачью девицу – та со скукой рассматривала собственные ногти.

Закончилось всё, когда на очередной раз рухнувшего Вана в прыжке приземлился «заступник», заехав ему куда-то зажатой в кулаке увесистой связкой ключей – бризолец дёрнулся и решил почему-то больше не вставать. Отряхивая свою цветастую хламиду, парень придиричиво осмотрел противника сверху, удовлетворился увиденным и протянул руку Ингрид яру Пассат.

– Мы немного задержались, хозяйка, вас уже в конторе ищут!

Вместо того чтобы принять предложенную руку девица с размаху раздражённо шлёпнула по ладони (поморщившийся парень замотал ею, отбитой) и пошла на выход, не оглядываясь ни на Анжэ, ни на поверженного бризольца. Шедший следом парень пошатывался от сыпавшихся на плечи и спину одобрительных хлопков и тычков...

Боцман, завернувший вечерком в «Моржовый клык» пропустить кружку-другую со своим шкипером, очень удивился, когда капитан порекомендовал ему обязательно принять в команду парня по имени Питер яр Пассат, буде такой явится наниматься.

– Да на кой нам неизвестный рыбачок на борту? И так эти...учёные будут нами командовать да палубу топтать!

Анжэ де Циклон задумчиво улыбнулся:

– Просто хочу ещё раз кое-кого увидеть.

– Драчун!

– Сами вы, хозяйка, изрядная драчунья... Ай!

– Не дёргайся, что ты, ровно дитя малое, и секунды потерпеть не можешь!

– Так щиплется же!

– Миг дерёт, час лечит, – нравоучительно заметила Ингрид, закрывая крышку с мазью – бризолец-таки ухитрился заехать Найдёнышу по морде – вон, лепёха вместо губы. – Какого чёрта морского ты следом поперся?

– Присмотреть за вами...

– Ты за собой-то присмотреть не можешь!

– ...потому что вы, хозяйка, как раз настоящий маленький ребёнок и есть, – из-за губы чуть невнятно, но всё равно нудным учительским голосом продолжал Найдёныш. – Только за порог – глядь, опять очередная неприятность! Что вы с этим эмиссаром не поделили?

– А, – вяло отмахнулась Ингрид, – он просто приятель того самого циклонца!

– Который вас высмеял, если не обругал, когда вы запретили ему нанимать вашего брата? – подхватил Найдёныш.

– А ты откуда знаешь? – насторожилась Ингрид. – Ты что, с самого начала за мной следил?

– Вовсе нет. Но разве предполагался другой ответ? Я иногда вам очень удивляюсь. Может, для разнообразия, хоть раз сначала подумаете, а потом уже сделаете?

– Ну, ты ещё... – огрызнулась девушка. Они сидели на склоне холма и смотрели на бухту. Судов у пристани и на рейде стояло немало: остров Крон, хоть и был во много раз меньше Албруса, оставался не только добычливой факторией Пассата, но и перевалочной базой для идущих к югу промысловых, торговых, военных и прочих кораблей, не оглашающих своих целей и порта назначения. Тут можно запастись провизией, пресной водой и всем остальным необходимым для долгого плаванья, так что в судоходные сезоны жизнь здесь просто кипит.

Вот же... тоска-тоскущая! Отвернувшись от опостылевшего вида Ингрид улеглась на траву, заложив руки за голову и скрестив ноги. Уставилась в небо. В высокой голубизне посверкивал длинной полосой Небесный путь. Сидевший рядом Найдёныш жевал травинку и так сосредоточенно разглядывал порт, словно разрабатывал план его захвата.

В некотором смысле так оно и было: только Найдёныш продумывал не захват, а побег. Но на него нужно сподвигнуть хозяйку, без которой пока никуда: настолько много потеряно знаний-воспоминаний, что даже отличная на сегодняшний день память и цепкий ум не выручат. Туда просто не вложено то, что каждый мореход или – он с неохотой, но допускал это – даже какой-то островитянин усваивает с самого детства! С Ингрид намного легче освоиться в забытом, а потому новом для него мире. За полгода на Кроне воспоминания о прошлой жизни так и не вернулись, но он твёрдо знал, что не желает остаться здесь в качестве рыбака, торговца, даже конторского служащего, хотя несомненные способности к чтению-письму-арифметике у него имеются. А из всех окружающих людей его стремление выбраться в большой мир разделяет только Ингрид яру Пассат. Недаром же она три года назад каким-то образом сумела убедить семью и старосту рода, что ей просто необходимо поступить в университет, да ещё и другого клана. Что произошло в конечном итоге: то ли Пассат бросил оплачивать учёбу, то ли студентку за что-то исключили, Найдёныш не выяснил; Ингрид на прямой вопрос не отвечает, а её сородичи выдают такое разнообразие версий, что становится ясно – сами не в курсе. Но как ни надеялись родственники, «дурь» из девки никуда не ушла, лишь затаилась до времени, и было ей (и дури и девице) на родном острове тесно и душно.

Найдёныш забросил пробную удочку:

– А вы не задумывались, зачем и куда плывут на судне этого Анжэ-циклонца муссонские учёные?

– Мне это совершенно не интересно!

Ответ был таким резким и стремительным, что стало понятно – интересно и ещё как.

– Я к тому, – мирно продолжал Найдёныш, – встретиться и поговори вы с ними – а вдруг там ваши знакомцы из Университета Муса? – убедились бы сами, что это не пиратский рейд, и могли бы со спокойной душой отпустить с ними своего брата!

Ингрид глянула с внезапным подозрением:

– А тебе, случаем, Питер не приплачивал, чтобы ты замолвил за него словечко?!

Найдёныш ответил своей самой чарующей улыбкой:

– А разве хоть одно моё словечко может как-то на вас повлиять?

– Ещё чего! – проворчала Ингрид.

– Ну вот видите. – Парень вновь уставился на бухту. Ингрид смотрела на него. Так-то он ничего, выправился, уже не выглядит одним из Белых призраков, по рассказам, появляющихся у Барьера. Хотя откормить как следует Найдёныша не удалось – вроде ест как нормальный взрослый мужик, да всё не впрок. Такое уж сложение у него, как врачи говорят – астеническое. Первое время его вообще от любой пищи выворачивало, кроме фруктов. Ещё и говорить почти не научился, а уже рожу кривил и тарелки отталкивал, пришлось пару раз даже оплеух надавать, силком кормить. Да и сейчас переборчивый, кухарка частенько жалуется, мол, разбаловала ты его, девка!

Может, и верно, слишком жалеет его – как выхоженного кутёнка, подобранного ещё слепым. Только морской подкидыш был скорее глухим, потому что человеческих слов не понимал. И немым – хотя в бреду болтал шустро и, придя в себя, какие-то звуки издавал, да всё совершенно бессмысленное. Хорошо, потом притих, слушать стал и слова вспоминать-учить. Оказался сообразительным, за полгода вон как болтать научился, да и читать тоже. А считать, судя по арифметической лихости, и до того умел. Жаль, ни к какому делу приспособить его не получается, сородичи меньше бы ворчать и жаловаться стали. Зато, как выяснилось, дерётся он будь здоров – пусть и как-то странно, незнакомо, без махания кулаками и хватания за грудки, хоть ты выставляй его на бои за деньги! Свои-то давно уже знают, не связываются, а вот чужаки... Вроде парень сам никогда не задирается, но то ли взгляд чёрных глаз им кажется (не кажется?) высокомерным, то ли прямая осанка и уверенные манеры в сочетании с внешней хрупкостью прямо как хищную рыбу на мотыля-Найдёныша так и манят!

Хорошо бы вспомнил он прошлое, про то, что случилось, родину свою, вернули бы парня на его место... Тут Ингрид горько посмеялась – ты сама-то не знаешь, где твоё место! Вроде приучишься к мысли, что такова твоя судьба и никуда от неё не деться, а тут подросший младший брат, как совсем недавно ты, пытается вырваться в большой мир! Ещё и проклятые муссонцы ни с того ни с сего приплывают на твой остров, будто он один-единственный в Океане...

– Пошли уже, – промолвила Ингрид, решительно поднимаясь. – Теперь меня уж точно потеряли!

...Палуба под ногами, паруса над головой, вокруг – смеющийся океан, перетекающий на горизонте в прозрачное голубое небо, на леере рядом – смуглая рука, униженная множеством разноцветных браслетов. Женщина смеётся...

И вдруг вода впереди словно взрывается! Воронка от взрыва вырастает до неба, увеличивается вширь, выпуская из своего вихревого нутра гигантскую распахнутую хищную пасть – ни твари, которой она принадлежит, ни плоти внутри или снаружи – одни челюсти и клыки, похожие на скальные наросты. Она распахивается всё шире, поглощая корабль, небо, весь мир; сам океан вливается в бездонную глотку невидимого чудовища, закручивается бесконечным стремительным водоворотом. Пытаешься поймать женщину за руку, не потерять, обхватить, вжаться – если исчезнуть, утонуть, погибнуть в этой бездне, так хотя бы вместе! Но её пальцы выскользывают, тают, как сахар, растворённый водой, и в руках остается только сияющий камень – будто прощальный подарок потерянной подруги или осколок солнца того мира, который навсегда покидаешь...

Найдёныш вскинулся на постели, судорожно, с хрипом хватая воздух разинутым ртом. Распахнутыми безумными глазами уставился перед собой во мрак безлунной ночи.

Он вынырнул. Он спасся. Он здесь. В безопасности.

Ожесточённо вытер мокрое лицо – нет, он вовсе не рыдал во сне от ужаса и горькой потери, просто пробило потом из-за вернувшегося кошмара – давно тот ему не снился! Протянул руку, нащупал и зажёл лампу. Вновь огляделся. Да, он у себя, в лодочном сарае, переделанном под жильё – что за напасть, приговаривала Ингрид, помогая ему обустраиваться, почему ты не можешь как все жить на суше? Ты один такой или таков весь твой народ?

Он и сам бы хотел это знать.

Найдёныш вытащил из-под топчана задвинутый к стене сундучок, в котором хранились его нехитрые сокровища: дневник, который он стал вести, едва научившись писать – ведь, как выяснилось, на память полагаться не стоит; сумка с новой одеждой и обувью на случай, когда приведётся наконец убраться с острова. С сомнением взвесил на ладони мешочек с жалкими монетами: отчего-то само не прибавляется, пусть простит его хозяйка, но он знает, где хранятся деньги, и намерен распорядиться этим знанием в свою пользу!

Последним вынул и бережно развернул под лампой увесистый свёрток: первый слой ткани, второй, третий... седьмой...

Свет лампы отразился в половине большого хрустального шара, заплескался в нём жидким огнём. Найдёныш перевернул осколок, аккуратно провёл пальцами по уже наизусть выученным выступам и выбоинам разлома. Когда его принесло Большим приливом, он держал камень в руках – другие во время кораблекрушения цепляются за деревянные останки судна, чтобы выжить, выплыть, а он вот... Было ли это какой-то ценностью, или он просто машинально схватился за

то, что рядом, а потом нипочём не желал расставаться – Ингрид говорила, по пальцу разгребали, чтобы вынуть у него из рук эту «стекляшку»? Хорошо, добрая девушка, не выкинула; может, в будущем этот осколок наведёт на что-то его большую память... Ведь не мог же он просто мимоходом прихватить его со дна морского?

Был ли хрустальный кристалл тем, что он раз за разом видел во снах? Плыл ли он перед катастрофой на корабле, и кто была эта женщина – если на самом деле была, а не его спутанное сознание просто подкидывает в ночных кошмарах несколько совмещённых событий, времён, мест и лиц?

А вот её лица он так и ни разу не увидел...

– Эй, девушка! Эй!

Считавшая затаскиваемые на баркентину ящики Ингрид обратила внимание на оклик не сразу. Поставив очередную галочку, с раздражением обернулась лишь на уверенное похлопывание по плечу – ну кто там ещё?! Рядом стояла невысокая, крепкая, с короткой седой стрижкой женщина; смотрела на неё, задрав голову.

Алица делла Муссон.

Профессор из Муса.

Преподавательница, с которой она не раз сцеплялась во время учёбы.

Та, из-за которой ей в конце концов пришлось покинуть Университет.

– Ты же Ингрид из Пассата? – уверенно сказала женщина. – Училась вольнослушателем у меня в Ордене ветвей с год назад?

Попросту онемевшая девушка кивнула, прижимая к груди, как щит, планшет с записями.

– Ну, я так и думала, – с удовлетворением заключила профессор. – У меня отличная память на лица! Помню всех своих студентов, все выпускники!

Да, только я у вас так и не выпустилась, могла сказать Ингрид. Не сказала – эта встреча оказалась сокрушительней, чем встреча с бывшим парнем после болезненного расставания. Мимо, неконтролируемые и вороватые, сновали грузчики, с опаской косясь на обычно до ужаса придирчивую конторскую девицу.

– Здравствуйте, профессор, – наконец вымолвила Ингрид. И правда, что это она? Ведь они уже не в университете, где грозная Алица делла Муссон наводит страх не только на вольнослушателей – бедноту и выходцев из других кланов – но и на своих собственных сородичей. – Как вы здесь оказались?

Та свела серые прямые брови, губы поджала.

– Университет нанял для экспедиции циклонский корабль, но мы уже три дня ждём, когда капитан просохнет!

Ага, значит, шкипер Анжэ и впрямь не планировал пиратствовать в этот раз! Следовало просто распрощаться и вернуться к погрузке, но, приглядывая краем глаза за грузчиками, ненавязчиво оставлявшими ящики под прикрытием борта вместо трюма (потом перебросят на пристань и пропыют), Ингрид всё же продолжила беседу:

– И куда вы направляетесь? Или это – как всегда – секретная информация Муссона, которая инородцев совершенно не касается?

Профессор Алица её шпильки не заметила. Она вообще не замечает того, что не желает.

– Да нет, вообще никакого секрета нет. Мы собираемся к Барьеру.

– Вот как?

По собственной воле туда отправляются либо совершенно безбашенные циклонцы, либо высокоумные, а значит, тоже малость (или даже не малость) ненормальные учёные, ищущие способ преодолеть границу, исследующие тамошние «феномены»: атмосферные, погодные, природные, вроде диковинных тварей, которых Барьер беспрерывно рождает – случайно выловившие таких рыбаки кидают обратно в воду, не только не рискуя их есть, но и на всякий случай удирая во все паруса и вёсла.

А ещё Алица утверждает, что сказочки и истории, коими потчуют друг друга моряки в кабаках и на заштилевших кораблях, имеют под собой реальную основу: надо только вычленив напластования лет и фантазии рассказчиков, и, исходя из сухого остатка, искать нечто действительно существующее. Ингрид обожала лекции профессора; заслушавшись, частенько представляла, как вместе отлавливают морского дракона или даже разбираются с природой умертвляющей всё живое вокруг Белой Косатки... Только к исходу третьего года обучения наконец поняла то, что втолковывали ей буквально с самого первого часа, когда она, затаив дыхание, переступила порог Университета: чужакам, то бишь выходцам из других кланов, вход в сокровенные тайны Муссона заказан – как бы ни были они расталантливы или богаты...

– Ну что ж, желаю вам удачного плавания. А сейчас, извините, профессор... то есть госпожа Алица делла Муссон, у меня работа, – махнув планшетом на загружаемую баркентину, Ингрид рявкнула: – Ну-ка вы двое, каракатицы сушёные, думаете, я сегодня ослепла, ничего не замечаю?! Живо взяли ящики и потащили куда положено, пока я вам все щупальца не повырывала!

Злорадно проигнорировав начатый вопрос муссонки: «Послушай, девушка, я ведь так и не поняла, почему ты тогда...», взбежала по сходням на борт. Лишь через некоторое время позволила себе украдкой глянуть в сторону пристани. Женщина нехотя уходила, то и дело оборачиваясь. Иди-иди... п-профессорша! Сама же сказала, что мне с тобой не по пути!

– Найдёныш, ты просто настоящий колдун! Как будто взял и вызвал именно тех «учёных из Университета», кого я знаю!

Парень двинул ровными бровями и подлил вина: Ингрид сегодня пила хмельное, словно воду при сильной жажде – не обращая внимания на вкус и количество. Она уже поведала про встречу, и про то, почему ей пришлось оставить университет, и как изводила её во время учебы Алица-профессорша и одновременно хвалила – всего одну-единственную из всех вольнослушателей, ты понимаешь?! Найдёныш кивал – понимал. Мог бы уточнить, что обошёлся совершенно без магии – просто разузнал, кто именно и куда плывёт на том циклонском корабле, а потом подкинул хозяйке мысль проверить, нет ли там её знакомцев... Но к чему лишние подробности, правда? Тем более сейчас, когда Ингрид одновременно расстроенная и возбуждённая неожиданной встречей.

– Ну так что же, отпустите теперь с ними своего брата?

Глотнувшая вина Ингрид скривилась, как будто то внезапно скисло.

– Ещё чего! Раз мы для муссонцев мордой не вышли, ничего и никого от рода Остроги они теперь не получат! Я лучше с китобоями Питера отправлю! В кандалах и колодках.

Найдёныш деликатно пригубил из своей кружки: или в прошлом он совершенно не потреблял хмельного, или здешние вина ему просто не нравятся – слишком резкие, невыдержанные, с отчётливым привкусом брожения.

– А если я опять хорошенько поколдую, и эта самая профессор пригласит вас с собой в экспедицию? И вы там себя хорошо зарекомендуете? И она попросит вас вернуться в Университет? Вы согласитесь?

Ингрид вытаращилась на него – глаза и без того большие, сейчас от изумления стали просто огромными. Ткнула в его сторону рукой с кружкой – парень с досадливым вздохом вытер плеснувшее ему на грудь вино.

– Алица дель Муссон *пригласит и попросит* – меня?! Найдёныш, сколько ты сегодня уже приговорил кувшинов?

– И всё же? – упорствовал он.

– Слишком много если!

– Я вам помогу с самым первым «если», а все остальные уже за вами! К гребцу и берег приплывает. Ну так что же, Ингрид яру Пассат?

Та прищурилась сквозь алкогольную дымку: подавшийся к ней через стол Найдёныш выглядел крайне серьёзным. Он редко зовёт её по имени, всё больше «хозяйка», и это обращение ещё больше подчеркнуло серьёзность его слов. Девушка отсалютовала ему кружкой. Выговорила как можно чётче:

- Я, Ингрид яру Пассат, говорю сейчас и при свидетеле: если эта учёная ведьма позовёт меня, отправлюсь с ней непременно и немедленно!
- Услышано и подписано! – торжественно заявил парень, чокаясь с нею. – Только потом не отказывайтесь от своих слов!
- Найдёныш, верно про тебя говорят – ты полный псих!
- Они даже не подозревают, насколько.
- Насколько верно или насколько псих?
- И то и другое.

– Ну, и что вы мне устроили? Что это такое, я вас спрашиваю?!

Так как выпытывала это профессор Алица делла Муссон уже добрую треть часа, вопросы можно было счесть риторическими, что подчинённые благоразумно и делали – лишь понуривши головы, переглядывались украдкой. Проорётся, тогда можно будет и рты развевать, предлагать свои варианты выхода из положения. Хотя что тут можно придумать? Потеряли в самом начале ценного члена экспедиции, без которого та вообще бессмысленна. И надо же было этому... кракенову Берту на спор с местным попробовать в кабаке сырую рыбу фурри-яму, которая смертельно ядовита в одном случае из ста! Парень оказался просто чертовски удачлив – и потому что этот дьявольский ядовитый шанс выпал именно ему и потому что он всё-таки выжил. Вот только на выздоровление уйдёт минимум месяц, и корабль явно не успевает вернуться до сезона летних бурь. Уж на что циклонцы – циклонцы, и те могут отказаться везти экспедицию.

Всё это профессор прекрасно знала и сейчас попросту выпускала пар, чтобы не кинуться к отравившемуся и не избавить его от страданий самым радикальным способом – попросту придушив. Наконец смолкнув, воззрилась бледно-голубыми глазами поверх голов сотрудников в окно гостиницы, в которой экспедиция коротала время в ожидании отплытия. Тишина была такой плотной, что никто не решался не только нарушить её неосторожным словом, но и даже дышать старались максимально неслышно.

– Ну так, – наконец веско обронила Алица, и вздрогнувшие муссонцы пригнулись ещё ниже. – Есть тут на острове один человек... Если он не согласится, я прикончу Берта своими собственными руками, клянусь! А до тех пор вы – вы все! – едите только то, что приготовит наш собственный кок, и соблюдаете полный сухой закон до самого отбытия. Всё!

И вылетела в двери. Подчинённые перевели дух и переглянулись. Сегодня они очень легко отделались. И несчастный Берт, лежавший без памяти в местном лазарете, – тоже.

– Лишь бы *этот* или *эта* согласилась! – молитвенно сложив руки, выразил всеобщую мысль вышеупомянутый кок.

Ингрид вызвали в семейный дом как раз тогда, когда она вновь взялась за счета. Запыхавшийся мальчишка выпалил: «велели передать, пусть немедля несёт сюда свою задницу!» Батюшкин стиль ни с чьим другим не спутаешь. Ругнувшаяся девушка в сердцах отодвинула злополучные бумаги, дала задания паре подчинённых и отправилась на холм, где глава фактории построил дом: желал обозреть своё большое хозяйство сверху. Заодно и запыхавшиеся просители, купцы, компаньоны на пути к нему потеряют немало сил, уверенности и энергии...

Вившийся неподалеку от конторы Найдёныш увязался следом – Ингрид не гнала, привыкла уже. Наоборот, без него чего-то не хватало.

Развевающийся над домом алый флаг с косаткой, знакомые широкие ворота, огромный двор, хозяйственные постройки справа, склады слева, яркая зелень ухоженного сада за крышей с террасой для прогулок – Фар яр Пассат, брат старосты рода Остроги, не только умел зарабатывать деньги, но и их тратить. Даже на дочкино неудавшееся образование не поскупился, что теперь ей и припоминает при всяком удобном и неудобном случае. Коротко кивая на приветствия работников, слуг и домочадцев, девушка взбежала по степеням, гулко и широко прошагала по коридору (Найдёныш неслышно двигался следом), распахнула двухстворчатые двери с витражными вставками.

– Отец, ты хотел меня видеть? У меня дел полно, я...

И осеклась, уставившись на маленькую женщину, с высокомерным видом танны восседавшую напротив отца.

– Профессор? Что вы... зачем вы здесь?

Мало того, что своим появлением разбередила старую болячку воспоминаний, так ещё и заявила зачем-то к семье, только-только успокоившейся из-за её бесславного возвращения!

Фар яр Пассат кивнул на профессора:

– Муссонцы желают взять тебя в аренду.

– Что? Это как?

– Говорит, если отправишься с ними, щедро заплатят, – объявил глава фактории, задумчиво оглаживая широкую седую бороду, – а если экспедиция будет удачной, ещё и сверху прибавят.

Ингрид кинула на отца вопрошающий взгляд – что-то замышляет, видно по огонькам в глазах – со скрежетом передвинула тяжёлое кресло и рухнула в него, хмуро уставившись на муссонку. Та деловито сложила на столе руки.

– Как я уже сообщила твоему отцу, наш Берт... ты же помнишь Берта?..

Ингрид мрачно кивнула. Забудешь такого! Самый талантливый студент на потоке, с первого курса допущенный в секретные лаборатории Ордена, любимец самой Алицы... Сволочь и гнида конченная.

– ...он отравился местной рыбой фурри-ямой.

– До смерти? – спросила девушка с надеждой, однако профессор её разочаровала:

– К счастью, нет, но выкарабкиваться будет долго, мы не можем потерять столько времени. Я вспомнила, что ты показывала большие успехи в Ордене, поэтому как временная замена вполне подойдёшь. Собирайся, отплытие назначено на завтра.

Выдав это распоряжение, профессор собралась встать и крайне удивилась – вместе со сжавшим кулаки Найдёнышем – услышав:

– С какой это стати я должна куда-то с вами плыть?

Найдёныш стоял у дверей – даже придержал створку, которой, уходя, изо всех сил грохнула госпожа профессорша. Сразу видно, не привыкла звезда Университета Муса к отказам! Если бы он после каждой неудачи так хлопал дверями, их бы в городе вообще не осталось!

Научившийся быть прилипчивым и одновременно незаметным, он и сейчас замер неподвижно, стараясь слиться с обстановкой как та самая девочка-вор... что ещё за воришка на ум пришла?.. слушая разговор отца с дочерью. Вернее, поначалу в комнате слышалось лишь громкое сопение разгневанной Ингрид. Потом глава фактории поднялся, дошёл до огромных окон и, заложив руки, устался на порт. Через пару минут и дочь к нему присоединилась.

– Учти... дочурка, – сказал Фар, не поворачивая головы. – Я даю тебе последний шанс.

– Что за шанс? – всё ещё раздражённо, но куда тише, чем при разговоре с муссонкой, отозвалась Ингрид.

– Думаешь, не знаю, что дурь из твоей дырявой башки никуда не делась? Всё чудится, что наша жизнь тебе как рыба кость в горле...

– Не чудится, – пробурчала девушка, отец прикрикнул:

– Рот закрыла! Так вот – это последнее послабление дуре-девке. Можешь отплыть с ними и показать себя, чтоб как эта... муссонская старуха обещает, тебя вернули в их университет. Не возьмёт – значит, плохо старалась, и нечего тебе в чужих краях и кланах делать, пойдёшь замуж за младшего сына моего компаньона Ольви: парень давно на тебя слюни пускает, уже и отец весь изнамекался, а я все отмалчиваюсь и отшучиваюсь, дурачина старый, мелюзге безмозглой потакаю!

– Батюшка...

– Проваливай с моих глаз долой немедленно!

Шмыгавшая носом девушка пронеслась мимо Найдёныша. Глава фактории только сейчас его заметил. Погрозил кривым – сломанным когда-то и неправильно сросшимся – пальцем:

– И ты здесь, приبلуда беспамятная?

– Да, я здесь, – приятно улыбаясь, признался приبلуда. Хозяин шлёпнул себя по ляжкам:

– Глянь-ка на него, подслушивает, ещё и лыбится! Чтоб присматривал за ней на корабле циклонском! Чтобы моя дочурка домой вернулась живая и здоровая!

Найдёныш поклонился:

– Позабочусь всенепременно!

И двинулся прочь, чуть ли не пританцовывая на ходу. Приглядеть – пригляжу, но сделаю все, чтобы Ингрид ни в коем случае сюда не вернулась. А вам, господин Фар яр Пассат, огромная от меня благодарность! А то, может, и не получилось бы уговорить характерную девицу воспользоваться шансом, который он ей просто на ладошке преподнёс.

Вместе с милейшей компаньонкой – рыбкой фурри-ямой.

Найти циклонское судно было раз плюнуть: на чёрном гюйсе полоскало ветром пронзённый ножом череп. Честное предостережение всякому добропорядочному человеку – прежде чем взойти на борт подумай хорошенько!

Двое это послание проигнорировали.

– Какая приятная неожиданность!

Ингрид вздёнула голову и неспешно поднялась по сходням. На палубе, широко раскинув руки, будто собираясь заключить её в объятия, стоял капитан Анжэ де Циклон собственной персоной.

– Вижу, решили заменить собой собрата-пассатовца, как бишь его звали? А что так? Он передумал или сами? Не будет неприятностей от вашего батюшки, если я приму вас на борт? Меня же не обвинят в похищении, а?

Ингрид растянула губы в улыбке.

– Слишком много вопросов, шкипер! Достаточно было просто сказать «здрасьте».

– Ну что вы, я не посмею, – продолжал ёрничать циклонец – вот неймётся же, а ведь наверняка, как и у всякого капитана перед отплытием хлопот полон рот! – Ведь вы, моя прекрасная пассажирка, аж из семьи самого старосты Остроги клана Пассат!

– Я не пассажирка, – с достоинством возразила девушка.

– А кто же?

– Мой ассистент!

Когда тебя выходит встречать не только сам капитан, но ещё и руководитель экспедиции, поневоле чувствуешь себя очень важной персоной!

– Пришла? – как ни в чём не бывало осведомилась профессор. Будто подтверждение о том, что Ингрид отправляется с ними, не

получила всего пару часов назад. Или что – была совершенно в этом уверена? – Разместишься в одной каюте с Мюриэл. Идём покажу.

Лишь внимательный Найдёныш заметил, как учёная довольно потёрла руки: значит, всё-таки волновалась, согласится ли бывшая студентка. Перевёл взгляд на капитана, теперь рассматривающего его.

– Э, парень, да я тебя знаю! – приветливо сообщил циклонец.

– Вот как? – он переложил поклажу из руки в руку. С большим трудом удалось уговорить Ингрид взять вещей побольше – девушка ведь не знала, что отбывает надолго, если не навсегда.

– Собираешься плыть со своей хозяйкой?

– Конечно.

Если шкипер вдруг не пожелает пустить его на борт, даже контракт с муссонцами не поможет. Надо выглядеть одновременно уверенно, чтобы тому и мысли об этом не пришло, и подбостранно, чтобы... смотри выше. Но, кажется, его персона циклонца не слишком заинтересовала – лишь мотнул подбородком в сторону удалявшихся женщин:

– Ну, иди, догоняй!

И всё же уходящий Найдёныш спиной чувствовал его взгляд.

Найдёныш нарисовался на пороге с уже собранной котомкой – у парня, похоже, и мысли не было, что она отправится с муссонцами без него! Подумав, Ингрид решила, что взять его с собой будет самым лучшим выходом – и его все кому не лень гнобить не будут, и она не будет в море о нём вспоминать-беспокоиться. Да и вообще, правильно он сказал: здесь я уже всё видел, но раз память не вернулась, пора посмотреть что-нибудь другое, новое. Девушка в шутку предложила ему уйти с китобоями, в ответ получила столь скорбный взгляд, что даже слегка устыдилась.

За что сейчас и огребала от нежелающих потесниться муссонцев.

– Это что у нас за ассистентка такая, танесса, что ли, без слуги обойтись не может? Ты, узкоглазый, давай убирайся в кубрик к матросам!

Пока муссонцы ворчали и ругались, Найдёныш терпеливо стоял в дверях, прижимая к животу тощую сумку. Наконец ему указали на верхнюю, самую неудобную и узкую лежанку, он живенько её застелил, оставил свои жалкие пожитки, и вновь выскользнул из каюты, придерживая под рубашкой мешочек с деньгами. Вряд ли негостеприимные соседи подозревают его в наличии хоть одного медяка, но распотрошить с досады сумку нежеланного жильца могут запросто. Значит, надо найти на корабле тайник, куда он может спрятать сташенные из конторской кассы деньги. Жаль, что у хозяйки драгоценностей раз-два и обчёлся, а то бы и их прихватил!

На палубе наткнулся на стоящую у борта Ингрид. Приткнулся рядом, игнорируя раздражённые взгляды матросов – не так уж они и мешаются! Проследил взгляд девушки, устремленный на гордо возвышающийся над портом дом главы фактории.

– Семья придёт вас провожать?

Ингрид качнула головой. С чего бы? Её даже в университет не провожали, что уж говорить про пару жалких месяцев, которые продлится экспедиция! А Питера, узнавшего, что сестра внезапно отбывает на *его* корабле, родителям и вовсе пришлось запереть – обещал то прибить хитрую стерву, то удрать на первом же пиратском судне, а то и вовсе утопиться... Дурной малёк.

– Муссонцы сказали, что вы будете делать? Вы справитесь? Вы просто обязаны справиться!

Ингрид, не поворачиваясь, отвесила ему затрепину – щадящую, но Найдёныш всё равно покачнулся. По первости он почему-то всё пытался себе макушку выбрить – как оно и было в день, когда его принесло морем. Ингрид приставала с вопросом, с какой такой загадочной целью он это проделывает, парень только плечами жал, потом и вовсе забросил это дело.

– Ты ещё мной покомандуй!

Найдёныш потёр затылок. А как не командовать, раз хозяйка – его единственный пропуск в большой неведомый мир!

– Вижу, со своими слугами вы тоже не церемонитесь! – заметил направлявшийся на мостик капитан. Ингрид мгновенно стёрла с лица усмешку. Известно же, мужики – они такие: улыбнёшься раз, улыбнёшься два, будешь с ним просто приветлива и вежлива, он и вздумает, что ты с ним заигрываешь! Что уж говорить про циклонцев, которые и вовсе не приучены себя сдерживать, да ещё и на своём собственном корабле!

– Приходится, – обронила сухо и вновь усталилась на берег. По счастью, приставучий капитан не стал задерживаться. В голове девушки всё крутились отцовские слова, причудливо смешавшиеся сейчас со словами Найдёныша: надо постараться. Нет, надо *справиться!*

А Найдёныш тем временем просто прощался с островом.

Навсегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кроме разбойничьих наклонностей циклонцы известны ещё и своим неусидчивым нравом – всё бы им вволю настранствоваться, открыть нечто новенькое, сунуть голову прямо в пасть неизведанному. А уж коварные течения и ветра у Барьера известны им как никому другому. Этим и пользуются остальные кланы мореходов, нанимая Циклон для

дальних путешествий и экспедиций. А уж к самому Барьеру осмеливаются приблизиться лишь неисправимые авантюристы или искатели огромной наживы.

Или больные на все головы учёные в поисках знаний.

Насколько смог уяснить Найдёныш, проникающий вслед за хозяйкой в кают-компанию на совещание муссонцев, те год назад в лагуне необитаемого островка устроили садки-приманки, в которые некий Барьерный феномен с длинным и трудным для произнесения и тем более повторения названием – то ли морской дракон, то ли нечто столь же легендарное и опасное – был просто обязан отложить свои яйца-зародыши. В неволе для экспериментов чудовище размножаться отчего-то не желало (и Найдёныш его понимал).

Для извлечения гипотетических детенышей был необходим не столько дрессировщик, сколько специалист, умеющий слышать и общаться с животными – и отравившегося (отравленного) Берга заменила как раз его хозяйка. В трюме даже был устроен бассейн для двух «учёных» дельфинов, Ингрид пропадала там часами, болтала, гладила, кормила. Найдёнышу они понравились – сметливые и весёлые. Не слишком завидная доля ждать, пока тебя выпустят на волю, но парочка всё равно не унывала.

Соседи по каюте таки распотрошили его сумку – судя по вопросам, с чего он таскает с собой осколок хрусталя. Ответ «это моё наследство» лишь укрепил их в мысли, что у слуги «рыбачки» голова совершенно дырявая, и злобствовать по отношению к нему по большей части перестали. Хотя шуточки – или то, что муссонцы считали шутками, – не прекращались, да ещё его постоянно пытались примотать к поручениям типа «принеси-подай-позови-передай». Найдёныш не спорил, выполнял команды с готовностью, но так, что в следующий раз к нему уже обращаться не рисковали: вроде сам не виноват, то волной захлестнуло, то кольцом паруса хлопнуло, то циклонцы подножку для смеха подставили, но все заканчивалось плачевно – разбивалось, терялось, ронялось... Оставалось только плюнуть на безголового и безрукого малого и оставить его в покое.

Зато возле профессора Найдёныш вился прямо-таки угрём, выполнял поручения чётко и быстро, ни разу ничего не потеряв-не разбив-не рассыпав. Крупным детским почерком переписывал для Алицы её неразобранные статьи, от которых самому опытному шифровальщику захотелось бы вздёрнуться на рее: столько там было помарок, стрелочек, схем, заметок на полях. В незнакомых или совсем загадочных случаях обращался за помощью к хозяйке – и той польза, сколько-то да осядет в её стосковавшихся по знаниям мозгах, и профессора лишний раз не дёргать. Копировал карты ареалов, которые учёные уже исследовали,

старательно перенося загадочные сокращения и рисунки. Постоянно подогревал на спиртовке ядрёный травяной напиток, каковой Алица заглывала прямо-таки галлонами, поддерживая в тонусе не только ясный ум, но и, увы, сдающее тело. А поскольку профессор в своих размышлениях любила беседовать вслух с воображаемым оппонентом, служил ещё и внимательным чутким слушателем, открывавшим рот лишь чтобы задать вопрос – всё к месту.

Так что через некоторое время Найдёныш стал... конечно, не правой рукой главы экспедиции – куда там! – а скорее большим пальцем, без которого, как известно, и ложку ко рту не поднесёшь, не расплескав похлёбку.

– Как же ты стараешься ей угодить, на цырлах бежишь по первому зову, прямо в рот смотришь! – заметила однажды хозяйка.

– Словно я о себе забочусь! – раздражённо буркнул Найдёныш. Хотя прежде всего о себе, да. – Чем лучше у вашего профессора будет настроение, тем скорее вы с ней поладите и в университет вернётесь.

Девушка отвела с лица выбившуюся из строгой причёски длинную кудрявую прядь. Принявшись перекалывать развалившуюся косу, буркнула:

– Это уж вряд ли...

– Что вряд ли?

– Вряд ли полажу и вряд ли вернусь.

– Дайте я! – отобрав гребень, Найдёныш принялся укладывать волосы заново, попутно выговаривая хозяйке: – Мы, считай, только что отплыли, а вы уже несколько раз с ней поругались! Голову откиньте... Вас уже выгоняли, снова на исключение нарываеетесь? Зачем нестись за тридевять земель, чтоб посадить корабль на мель? Чуть ниже...

Наставление получалось невнятным из-за сунутых в рот шпилек. Ингрид покосилась на сосредоточенное лицо парня: чёрные ресницы опущены, брови – чёткими дугами. Хмыкнула:

– Меня назад ещё никто и не принимал! Это всё фантазия отцовская. И твоя. Профессор кинула наживку, чтобы я согласилась отправиться с ними.

– Ну так надо...

– Ой, больно же!

– Извините, – совершенно нераскаянно отозвался Найдёныш, вновь чувствительно дёрнув её за косу – как бы придавая веса своим словам. – Вам надо сделать эту нашу фантазию былью!

– Как я погляжу, тут у вас полная идиллия!

Оба вздёрнули головы: облокотившись о релинг, на них с юта смотрел Анжэ де Циклон.

– Похоже, госпожа рыбачка, ваш слуга просто на все руки мастер, – продолжил капитан с привычной ленивой растяжкой в словах. – И личный куафюр к тому же!

Ингрид замечание проигнорировала, зато Найдёныш, загнав последнюю – с крупной жемчужиной – шпильку в тяжёлый узел светлых волос, поклонился.

– Спасибо, господин шкипер, вы слишком добры!

– Ты даже не подозреваешь, до какой степени, – отозвался тот, жмуря круглые птичьи глаза, – потому и хочу предупредить Ингрид яру Пассат, чтобы держала свою красивую куколку при себе! А то кое-кто не прочь воспользоваться его... умением косы плести! – И оттолкнувшись от релинга, скрылся с глаз.

Парочка с недоумением уставилась друг на друга. Ингрид сообразила быстрее: ухватив Найдёныша за плечи, чувствительно встряхнула:

– К тебе что, приставал кто-нибудь из команды?!

А. Он-то беспокоился за безопасность Ингрид, следуя за ней повсюду хвостиком. Контракт-контрактом, деньги-деньгами, но женщин на циклонском корабле было мало, а уж таких видных и молодых – тем более. Дальше соответствующих шуточек-предложений и плотоядных взглядов дело не шло, но бережёного, как говорится...

А вот что следует озаботиться и собственной телесной безопасностью Найдёнышу даже в голову не приходило. Хотя сейчас припомнились и оценивающие взгляды, и соответствующие намёки – не только от циклонок, но и мужчин-мореходов. Ну да, кто он для них – не наниматель, которых трогать не положено – смазливый слуга-островитянин, который наверняка пользуется своей хозяйку, а потому не след ему и перед остальными кобениться!

Ингрид раздумывала недолго.

– Ну вот что! Собирай свои вещички и перетаскивай к нам в каюту. Будешь у меня под присмотром.

Или ты у меня. Готовый тут же выполнить приказ, Найдёныш догадался-таки спросить про соседку.

– А Мюриэл не будет против.

Муссонка – крайне молчаливая женщина среднего возраста – смерила его тяжёлым взглядом.

– Будешь спать на полу у двери. И выходить вон, когда скажу.

Видимо, это и было её «не против».

Он тонул!

Всё пытался удержаться за тонкую нить, сотканную из смеха, солнечного света и синей волны, дотянуться до протянутой навстречу смуглой руки с нарядными браслетами. Вот ещё чуть-чуть, почти!..

Но её пальцы вновь выскользывают; яркая, мирная вода закручивается и превращается в гигантскую воронку; тускнеющее солнце становится зрачком этого водяного вихря, чёрной луной иного мира...

И он проваливается в него.

Найдёныш вздрогнул, задыхаясь, захлебываясь, судорожно схватил воздух разинутым ртом и распахнул глаза – очнулся от обжёгших лицо пощечин. Нависшая над ним женщина замахнулась и для третьей, но тут уже Ингрид перехватила занесённую руку.

– Довольно! Вы же видите, он замолчал!

Полуодетая Мюриэл, опершись рукой о колено, тяжело поднялась. Глянула сверху на Найдёныша с отвращением.

– Третью ночь верещит, уснуть не даёт! Ты либо убирайся спать на палубу, либо заткнись уже!

Ингрид присела рядом с Найдёнышем на корточки. Спросила сочувственно, вытирая ладонью его мокрое от пота и слёз лицо:

– Что, опять кошмары снятся?

Он сел и так, сидя, поклонился обеим женщинам.

– Простите, я нарушил ваш сон. Сейчас уйду, продолжайте отдыхать.

Хозяйка ожидаемо схватила его за плечо:

– Ну и куда ты пойдёшь ночью? На палубе холодно, а в кубрике всех перебудит! – Снизу глянула на муссонку. – Извините, делла Мюриэл, он немного нездоров, завтра я попрошу у лекаря чего-нибудь и...

Женщина раздражённо фыркнула:

– Да провались ты с ним вместе кракену в задницу! Я ухожу спать к мужикам. А ты своему великовозрастному младенцу, чтобы не плакал, дай хоть соску, хоть сисью!

Стребла свою постель и, продолжая бурчать, вышла. В незакрытую дверь пахнуло ночным ветром. Ингрид хмыкнула:

– А здорово ты её выжил! Может, навсегда уберётся, как думаешь? Парни, конечно, ей не обрадуются. Ложись на её место.

Найдёныш запротестовал, но Ингрид, не слушая, заставила его перебраться на постель Мюриэл. Ещё и одеяло со всех сторон подоткнула. Взгляд Найдёныша задержался на глубоком вырезе её сорочки. А вот грудь было бы хорошо, да...

Жаль, что хозяйка воспринимает его исключительно как беспомощного больного мальчика и никак не позволяет доказать обратное!

– Какие-то проблемы?

Анжэ де Циклон раздражённо обернулся к заглядывавшей в дверь муссонской профессорше. За спиной у неё возвышалась Ингрид. Пришлось прекратить бесконечный поток ругательств, и так уже

вместе со штурманом прошлись по всему на свете, а пуще всего – по клятому Барьеру, который всё это устроил.

Капитан потёр подбородок, словно проверяя, не выросла ли с утреннего бритья щетина. Выросла. Отрезал:

– Никаких проблем! Совершенно!

Маленькая профессорша прошествовала в кают-компанию. Звучно постучала указательным пальцем по столу, словно привлекая внимание нерадивых студентов, и заявила своим хорошо поставленным голосом:

– Молодой человек! Я ваша нанимательница и имею полное право знать, что вокруг происходит, успеваем ли мы прибыть на место в расчётное время, а если нет, то какие шаги вы предпринимаете для того, чтобы этого добиться!

– Вас понял! – огрызнулся Анжэ. – Теперь каждое утро буду делать вам доклад обо всём, что происходит на моём корабле! Вплоть до того, кто сколько раз сходил за ночь в галюнь!

– Уж будьте любезны! – не моргнула глазом профессор. – А теперь – что же всё-таки случилось?

Капитан закатил глаза и отвернулся к окну. Получивший неохотный разрешающий кивок штурман начал излагать «проблему», но поскольку циклонiec привык изъясняться исключительно ругательствами, а сейчас их приходилось отфильтровывать (не все, далеко не все!), дело продвигалось туго. Профессор и напряжённо вслушивающаяся девушка улавливали только: «течения... пасы... кракенский Барьер, тучи...» Однако многолетний преподавательский опыт не пропьёшь – в конце концов Алица делла Муссон подытожила:

– Итак, насколько я поняла из ваших слов, нужное течение внезапно исчезло, ветер поменялся, пасы сошли ума, Матушка, луны и звезды скрылись за тучами... Погодите, так мы что же, заблудились?!

Капитан обречённо кивнул:

– Уже два дня как.

– И может быть, на всех парусах уносимся в прямо противоположном от нужного направлении?

– Вполне вероятно.

Профессор обессилено опёрлась руками о стол – и выдала настолько длинную и заковыристую тираду, что штурман уважительно показал капитану большой палец: сразу видать, *очень* большая учёная!

– Будь мы к Барьеру достаточно близко, стало бы ясно, где юг...

Женщина хмыкнула:

– Ну да, Барьер трудно не заметить! Что собираетесь предпринять?

Капитан развел руками.

– Ждать.

– С моря погоды, – пробормотала под нос Ингрид, Анжэ кивнул:

– Именно! Придётся ожидать, пока развиднеется. Сейчас и не поймёшь толком, день или ночь, какое уж там ориентирование по светилам! Проблема... э-э-э... затруднение в том, что погода вблизи Барьера очень непредсказуема: может смениться уже через час, а может тянуться неделями.

Муссонка встрепелась:

– Меня это совершенно не устраивает!

– А уж меня-то как... – проворчал Анжэ. Учёными он уже был сыт по горло. Добро бы те изобретали замену сходящим возле Барьера с ума пасам, а то нате – плывут изучать очередного монстра! На что они им сдались? Хотят вывести боевого дракона? Против кого? – Но пока ничего не поделаешь.

– Нужно всего лишь сказать, где север, где юг? – донеслось от двери. Все вздрогнули и обернулись. Найдёныш, этот бесшумный змеёныш, опять незаметно приволокся за своей хозяйкой! Стоял, сложив по обыкновению, руки на животе, и смотрел на них с крайним удивлением. Анжэ подтвердил насмешливо:

– Ну да, всего-то, малость такая!

– Всего лишь?! – вскричал уязвлённый штурман. – Да я уже четверть века здесь плаваю, а...

– А толку никакого, – закончил Найдёныш

– Ну ты!..

Профессор шлёпнула ладонями по столу, гаркнув:

– Тихо, все! А ты, паренёк, если есть что сказать по делу, говори.

К островитянину-то старуха куда мягче, вот же он подлиза хитро... глаза!

– Говори-говори, мы все во внимании, – поддержал Анжэ. – А ещё лучше просто покажи: север – там!

Найдёныш понял его буквально: повернулся и взмахом руки указал на правый от двери угол кают-компании.

– Север там, юг, – новый взмах – прямёхонько на багровое от злости лицо штурмана, – тут. Ну а восток и запад соответственно...

– Да он над нами изгаляется! – взревел штурман. – Ну ты, мелкий!..

Не обращавший на него внимания Найдёныш шагнул к столу, с любопытством рассматривая целую коллекцию пасов: каждый показывал своё, а стрелка одного вообще бегала по кругу.

– А я-то думал, для чего все эти штуки? Как можно не знать, где север? Это даже дети малые знают, – покачал головой Найдёныш.

– Вышвырнуть его? – севшим от ненависти голосом спросил штурман. Профессор, размеренно постукивая пальцами, глядела на парня: тот проникся наконец общим недобрым вниманием, посерьёзnel и спросил – обращаясь сразу ко всем:

– Вы что – правда, не знаете?! Как такое может быть?

– А каким образом это знаешь ты? – поинтересовалась муссонка нейтральным голосом.

– Хм. Ну-у...это же элементарно, просто в голове...

– Все мы в курсе, что у тебя там пусто, – проворчал Анжэ. Найдёныш опять почтительно сложил руки и сказал – адресуясь уже только профессору:

– Это... м-м-м... как будто идёшь по знакомой улице: вы ведь всегда знаете, куда она ведёт, так? Понимаете?

Та медленно кивнула:

– Кажется, понимаю. – Побарабанила пальцами ещё и внезапно позвала: – Капитан!

– Да, профессор?

– На сегодня считайте его своим пасом!

– Что? Но, госпожа делла Муссон, – Анжэ обвёл взглядом окружающих: штурман выпучил глаза, Ингрид напряжённо смотрела на своего слугу, а тот... опять беспечно улыбался! – вы что, ему поверили? Правда, поверили?

– Верю или нет – дело десятое, всё равно до прояснения неба вы сами ничего другого предложить не можете, – и повысила голос, пресекая дальнейшие возражения: – Если что – я беру всю ответственность на себя, впоследствии ни в чём вас не упрекну и не потребую возврата денег. А ты, мальчик, сейчас идёшь со мной и рассказываешь об этой своей способности всё-всё, и о-очень подробно!

Ошарашенный Анжэ проводил двоих глазами: кажется, профессорша нашла себе маленького монстрика прямо на корабле! Вопросительно взглянул на Ингрид. Та в ответ только беспомощно развела руками и кинулась следом.

– Дурдом под парусом! – подытожил капитан.

– А малыш-то был прав!

Штурман на это замечание Анжэ ответил невнятным бормотанием. Действительно, через сутки после того, как они скорректировали курс по указаниям Найдёныша, небо, наконец, прояснилось, и Матушка подтвердила их правильность. Найдёныш до того ещё и указал расположение корвета на карте, эдак мимоходом: просто ткнул пальцем – мы тут – и был таков! Вот же... и что там в склерозной башке парня творится? Пас прямо в мозги встроен, что ли, как у перелётных птиц?

– Нам такой проводник у Барьера ох, как бы пригодился!

На этот раз помощник прогудел нечто смахивающее на неохотное согласие: все знают, что такое заплутать рядом с проклятой Границей

мира. Иные, говорят, обнаруживали правильное направление, уже зайдя в самые воды Барьера, а то и пересекая его... То есть окончательно и бесповоротно поздно.

Арендовать, что ли, этот живой пас на следующий судоходный сезон у его хозяйки? Вряд ли Ингрид согласится расстаться со своей живой куколкой: вон как друг за другом присматривают, беспокоятся, обидят их злобные циклонцы. Анжэ усмехнулся. Он не запрещал команде веселиться, всячески подшучивая над пассажирами – не дело тем и другим расслабляться, но вряд ли дело дойдёт до серьёзной стычки. А и дойдёт – девка сильная, справится, а малыш, судя по кабацкой драке с бризольцом, и вовсе не промах!

– Ну, и что ты от меня ещё скрываешь?

Анжэ де Циклон уже с привычной сноровкой перевесился через релинг: на кормовой галерее затеяли беседу как раз те двое, о ком он только что думал.

– Ничего я от вас не скрывал и не скрываю, хозяйка! – настолько искренне поклялся Найдёныш, что капитан ему не поверил. Рыбацкая девица тоже. Склонилась к нему – чтобы и говорить потише и нависать внушительней. Гипнотизирующе уставилась в лисьи глаза слуги.

– Ничего? А кто столько времени молчал, что умеет определять стороны света безо всяких примет и приборов?!

Найдёныш для убедительности прижал руки к груди. К своей.

– Так я же думал, все это умеют, как умеют ходить и говорить! А в море мы с вами вместе до сего времени не выходили.

– Уф. Что за удивительное у тебя племя! Или ты там один такой? А что ты ещё умеешь? Дышать под водой? Читать мысли? Находить клады под землёй и на дне моря? (Тут циклонский капитан окончательно наострил уши).

Парень серьёзно обдумал версии Ингрид. Итогом стало новое заверение: если обнаружится какое-нибудь новое его умение, он тут же сообщит хозяйке.

– И не труби о том сразу во всеуслышание! – велела рыбачка. – Ты в курсе, что Алица решила забрать тебя с собой в Университет?

– О! Это же прекрасно! Теперь надо только, чтобы вас вернули, и мы отправимся в Мус вместе! – порадовался Найдёныш.

Девушка легонько толкнула его кулаком в лоб:

– Балда! Тебя же не студентом берут, а для экспериментов! Запрут в лаборатории, света белого не увидишь! Вот и говорю: обо всём, что умеешь удивительного, помалкивай до поры! Понял?

Ещё раз постучала по лбу кивавшего Найдёныша, со вздохом взлохматила ему волосы и ушла. Парень досадливо поправил причёску, спросил, не поднимая глаз:

– У господина шкипера тоже есть ко мне вопросы?

Мысленно прибавив к умениям «малыша» ещё и чуткий слух с наблюдательностью, тот ответил сверху:

– Скорее предложение.

Найдёныш отозвался живо:

– Конструктивным и выгодным предложениям я всегда открыт!

Предложение капитана оказалось интересным и – в теории, конечно, – весьма прибыльным: остаться на «Морском псе» в роли навигатора. А что – не надрываешься, только знай отвечай, где корабль сейчас находится! Вот только циклонцы, по слухам и по большей части, «находились» в слишком опасных местах – в разбойничьем плаванье или рядом с Барьером, а то и там и там одновременно, а он предпочитает опасность строго дозированную, к тому же, когда та не слишком перевешивает предполагаемую прибыль. Да и вообще предложение Анжэ шло категорически вразрез его великим планам.

Циклонский капитан принял отказ настолько незлобиво и беспечно, что Найдёныш насторожился – как бы его, «живого паса» не умыкнули сразу в день и в месте возвращения! Придётся теперь держать глаз и ухо остро.

Тем временем они наконец и в нужный для профессора Алицы срок достигли искомого острова – муссонцы назвали его Тихим за огороженную рифами глубокую лагуну, в которой всегда царило затишье. Из трюма на брезентовых полотнищах подняли дельфинов: те, не дотерпев, выскользнули раньше, чем лебёдки опустили их на воду. Наконец попавшие на волю животные носились кругами по лагуне, высоко взлетая в воздух – мореходы с одобрительными ругательствами и смехом следили за их фокусами.

– Сегодня, а то и завтра они работать не будут, – озабоченно сообщила Ингрид профессору. – Это ничего?

– Ничего, – великодушно простила «сотрудников» – её и дельфинов – Алица. – Мы прибыли с хорошим запасом времени, так что можно и отдохнуть парочку дней.

То же самое Анжэ сказал своей команде. Циклонцы, кроме тех, кто вытянул несчастливый жребий и теперь под бдительным оком одноглазого боцмана уныло чинил такелаж и начищал все металлические части, на которые упадёт его придиричивый взгляд, радостно, как отпущенная из школы ребятня, удрали на Тихий.

Учёные-муссонцы некоторое время ответственно бродили по берегу, озабоченными взглядами окидывая лагуну, словно могли сквозь воду увидеть, удался ли эксперимент. Потом и эти отвлеклись на крики и хохот купающихся и лазающих по зарослям моряков.

Заметили, что под ногами у них наконец-то суша, которая своим золотым песочком так и соблазняет разуться и зарыться босыми ногами, вода заманчиво посверкивает, а сверху ещё и щедро припекает Матушка. Непривычно сегодня внимательная и добродушная Алица, углядев, что подчинённые лишь вертят головами по сторонам, сжалилась и распустила четвёрку на все четыре стороны.

Та пара дней на Тихом острове запомнилась надолго: тёплая, как парное молоко, лазурная лагуна, песок и нагретые камни на берегу, свежая зелень зарослей. Даже близкий Барьер не подавал о себе вестей – ни видом, ни звуком, как будто тоже притих в ожидании: а что там получилось, у этих странных любопытных людишек?

На третий день началась работа.

Муссонцы ныряли с шлюпки, извлекая со дна ячейки инкубатора, как они это называли. Одни были пустыми, в других было нечто похожее на серое яйцо из желе, в третьих и вовсе уже что-то шевелилось. «Зародышей» спешно погружали в чаны с лагунной водой, запечатывая и опуская в трюм вместо убранного дельфиньего бассейна – обратно парочка отправится вплавь, чему, конечно, нисколько не расстроится. Сами дельфины, экипированные специальной упряжью и управляемые Ингрид, сопровождали учёных, помогая поднимать на поверхность тяжёлые металлические ячейки и отгоняя от людей местную любознательную живность – некоторая её часть была весьма опасна, а некоторая настолько незнакома, что наверняка суперопасна. Анжэ с ходу поинтересовался у дежурившей с карандашом и блокнотиком в руках профессорши (сама-то она не ныряла), не наведается ли в лагуну разгневанный родитель, а то и двое-трое, как они там вообще размножаются? С непонятным ему сожалением муссонка сообщила: «Увы, нет». Роль родителя-родительницы в одном лице заключается лишь в том, чтобы найти подходящее место для кладки, а дальше детёныши выживают сами. Что-то под вид морской черепахи, только очень крупной и зубастой, перевёл для себя циклон и подуспокоился.

Теперь главное – доставить зверёнышей в Мус вовремя, и не потому что Анжэ опасался, что те передохнут в дороге, а что, наоборот, чересчур хорошо будут себя чувствовать и слишком быстро подрастут-вылезут из своих бочек. Ингрид, правда, уверяла, что это невозможно, ведь именно сейчас, на обратном пути, как раз начинается настоящая работа по изучению и поддержанию жизни и нормальному развитию зародышей, но капитан ей не очень-то верил – слишком уж горели глаза даже у измотанной бесконечными погружениями девушки.

Последнюю, шестнадцатую, ячейку, искали долго: то ли сохранные координаты были неправильными, то ли её отнесло придонным течением, а может, вовсе чрезмерно любопытной морской тварью. Анжэ уже

несколько раз предлагал не тянуть камбалу за хвост, плюнуть на потерю и отправиться назад, пока их не догнал в дороге приближающийся сезон штормов. Профессорша гневалась и протестовала: «материала» и без того мало (семь заполненных ячеек!), и неизвестно сколько ещё их доведёшь в целостности-сохранности!

Наконец капитан заявил, что лучше потерять одного гипотетического зародыша, чем уже имеющихся семерых, а с ними ещё и себя, своих сотрудников, его команду и корабль. От щедроты души выделил один день на поиски – а после уплывает хоть с учёными, хоть без них – и никто из клана Муссон не вправе призвать его за то к ответу!

Проникшиеся биологи с самого утра самого последнего дня принялись за прочёсывание лагуны. Под вечер на ногах, хоть и подгибавшихся, оставалась одна Ингрид. Поглядела на пригорюнившуюся профессоршу, на лежащих без сил на палубе муссонцев, вяло спросила:

– Ну всё, последний раз, да? – и сползла за борт шлюпки в воду. Притомившиеся дельфины уже не так быстро последовали за ней.

Никто уже не надеялся на удачу, учёные разбрелись-расползлись по каютам, команда «Морского пса» готовилась к отплытию, поэтому задержку в возвращении заметили не сразу...

– Почему вы только ждёте и ничего не делаете?!

У Анжэ де Циклона на языке чесался ровно такой же вопрос. Хотя, конечно, не его дело, каким способом учёные прореживают свои собственные ряды, но девчонку всё-таки жаль. Симпатичная девочка. Но раз слуга, метавшийся туда-сюда, перебирая руками по фальшборту, спросил это, то и он имел полное право присоединиться к учёной компании и задать ленивый вопрос, не нужна ли помощь. Получив в ответ ожидаемое «нет», пожал плечами, зевнул и, прислонившись бедром к фальшборту, якобы ленивым взглядом принялся обшаривать море в окрестностях спущенной на воду шлюпки.

Муссонская профессорша взглянула на часы на цепочке, с мелодичным звоном вынутые из кармана, и вновь захлопнула крышку.

– Не так уж много времени прошло! Дельфины с нею, – озвучила то, что все и так знали. – Они проследят, чтобы Ингрид не попала в беду.

Слуга рыбачки глянул на Алицу дикими глазами.

– Но она же не дельфин!

И не поспоришь.

– Вы уверены, что ваша сотрудница умеет дышать под водой? – язвительно осведомился капитан.

Профессорша переглянулась с подчинёнными и уклончиво сказала:

– В университете она показывала очень неплохие результаты... Посмотрим-посмотрим.

Анжэ перевёл её слова для себя: а здесь – кто его знает! Вот же... каракатица старая! Он-то думал, что Ингрид участвует в научном опыте, а, оказывается, экспериментируют ещё и над ней! Так, кто-то из его команды работал с ныряльщиками, послать его разыскивать уже явно утопшую девчонку? Но размышления прервал громкий характерный плюх – признак упавшего в воду тела.

Нет.

Нырнувшего.

У мелкого Найдёныша наконец сдали нервы, и он отправился вслед за своей хозяйкой. Возможно, сразу на самое дно.

Задумали лишить его Ингрид? Оставить одного в незнакомом мире? Только не сейчас! Рано!

Найдёныш откуда-то знал, как нужно отдышаться, перед тем как нырнуть, и как задержать дыхание; для быстрого погружения вместо камня ещё и прихватил с палубы тяжеленный гарпун.

Дельфины могут нырнуть аж на двести ярдов... а человек? Ингрид ведь не ныряльщица за жемчугом или паучьим шёлком! До какой глубины она могла добраться? Сможет ли он её отыскать? Море в лагуне очень прозрачное – до тех пор, пока глядишь с поверхности. В воде же, да ещё и без защитных очков, на большой глубине всё размывается, смотришь словно через толстую-толстую стеклянную стену...

Так. Он может не увидеть Ингрид, но не дельфинов – таких больших стремительных животных просто невозможно не заметить! А они никуда не уйдут, не бросят своего человека в беде – и из-за неизменно дружелюбного отношения к людям, и потому, что их так учили дрессировщики. Значит, смотрим дельфинов. Они же не самоубийцы, в отличие от людей, нехватка воздуха уже скоро заставит их всплывать. Пока нигде не видать...

Встрепенувшийся Найдёныш быстрее заработал руками-ногами, но...

...он вообще продвинулся хотя б на дюйм или просто бьётся в толще воды, как мушка, попавшая в янтарь: тот не пускает его вниз, но уже и не выталкивает наружу? Как бы самому не увязнуть! Жидкий янтарь уже застилал глаза и разжимал стиснутые губы, чтобы заполнить его целиком изнутри, оставить здесь навсегда. Вместе с хозяйкой.

...И вдруг что-то ударило его снизу, толкая под ноги, потом под живот. От неожиданности Найдёныш очнулся, испугался, забился. Но поняв, кто его толкает, успокоился. Дельфин вновь описал рядом круг, пихая, разворачивая вместе с водоворотом воды. Догадавшись, Найдёныш ухватился за его спинной плавник, и животное немедленно повлекло его вверх – совершенно не в том направлении, куда он сам собирался

плыть. Влекомый мощным стремительным телом Найдёныш, жмурясь, смотрел в постепенно светлеющее над собой пространство. Видел второго дельфина и плывущую рядом девушку – значит, жива...

Всё это было... Уже было. Когда? Он был ныряльщиком? Он...

И вдруг он вспомнил.

Вернее, повторяющиеся ночные кошмары наложились на сегодняшнее возвращение в мир живых.

Когда его в несколько пар рук втащили в шлюпку, он так и сказал встревожено склонившейся над ним Ингрид. С девушки тоже ручьями стекала вода.

– Я вспомнил...

И наконец разрешил себе потерять сознание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Мореходы бродили вокруг остова судна, выброшенного на берег, пожалуй, уже несколько десятков лет назад. Корабль лежал на боку, на треть погруженный в нанесённый волнами песок. Повреждения-свидетели его гибели: обломки мачт, пробоина в днище и левом борте. Напоролся на камни? Или его атаковало местное чудовище вроде огромной рыбы-единорога, по слухам, охотившееся на суда рядом с Барьером? Приблизившийся Найдёныш услышал бормотание капитана, идущего по ставшему полом борту:

– Что-то никак не пойму...

– Чего не поймёте? – машинально переспросил Найдёныш, во все глаза рассматривая печальную находку, и Анжэ так же машинально ответил:

– Что это за судно такое? Необычное, никогда таких не видел. Где вообще могли его построить? Ведь явно же не в Бора? Может, какие-нибудь островитяне втихушку мастерят свои собственные корабли? Или он прибыл с земель, которые мы ещё не открыли? И название – глянь-ка, – уже не в первый раз циклонез протёр подошвой сапога вылинявшее название на носу корабля, словно от того смысл написанного мог стать ему яснее. – Буквы совершенно незнакомые! Что здесь написано? На каком языке? Или и впрямь писали туземцы? – Он требовательно уставился на собеседника. Сморгнул, сообразив, с кем сейчас разговаривает, и махнул рукой. – А-а-а, да ты же вообще ничего не знаешь!

И спрыгнув на песок, вновь пошёл вокруг остова, продолжая рассуждать сам с собою. Найдёныш посмотрел ему вслед немигающим взглядом и вновь уставился на название корабля, столько лет не поддающееся воде, ветрам и лучам Номо – здесь его называют Матушка.

«Непобедимый».

Арон, друг мой, ты столько лет разыскивал его следы по всему Таплису, не подозревая, что корабль твоего отца поджидает тебя слишком далеко – гораздо дальше, чем ты мог подумать, аж за самой Границей Ада! Значит, вот здесь и упокоился Гарольд-Альбатрос, названный Бешеным за свой нрав и неуёмное стремление к новому, неизведанному! Опасному.

И ещё это значит, что он трижды сумел пересечь Границу: два раза сюда на Север. И раз на Юг.

А что сделано одним, может быть повторено и другими.

Другим.

Мной.

Оглянувший Анжэ де Циклон увидел, что рыбачий слуга стоит неподвижно, сложив на животе руки, вперив взгляд в название на неизвестном языке, словно таким образом пытаясь проникнуть в его смысл и происхождение.

Или, может, просто заснул стоя.

А кораблик-то знатный был! Мощный, скоростной. Пока не отчалили с этого безымянного островка, на который они завернули, завидев деревянные останки, надо набросать его чертёж и по возвращении расспросить знакомых корабелов: может, кто сталкивался с подобным. А нет – посмотреть, как можно применить эти знания... Круглые глаза циклонца прищурились. Он тоже строил планы.

С тех пор, как он вспомнил всё, Луис уже не раз доставал из сумки осколок Кристалла, с помощью которого девочка-вор когда-то не только разговаривала со своим Змеем-Радугой, но и прозревала будущее: например, мель посреди океана, на которую едва не напоролась «Гончая», болезнь, случившуюся на Ундарре с Мариссой... Даже то, что рано или поздно все они окажутся у Границы Ада.

Ведь не может быть такого, чтобы уцелел только он, один-единственный? А вдруг остальных тоже выбросило на другой остров, может, даже вместе с судном, как случилось когда-то с «Непобедимым»? Необитаемый, либо заселённый туземцами или циклонцами – ведь контролируемые ими острова расположены как раз вдоль Барьера... Луис уже расспросил мореходов, не случалось ли им слышать о таких же, принесённых Большим Приливом. Или о приплывших на потрёпанном корабле чужеземцах, говорящих на неизвестном языке. Они не знали, но из этого совершенно не следует, что такого никогда не случалось.

Что ему делать дальше? Нанять судно обследовать все известные и неизвестные, населённые и нет острова и островки в районе, где его подобрала вовремя оказавшаяся там Ингрид? А если не найдёт, пуститься наудачу вдоль Барьера-Границы Ада?

Или... Он уже который раз провёл рукой по шершавым выбоинам скола Кристалла. Раз у него половина Камня, не осталась ли вторая у кого-то из друзей? У той же Рики? Вряд ли она посмеет выбросить даже расколотый Кристалл, побоится обидеть бога-змея. Губы Луиса тронула невесёлая усмешка: разве она, то есть *все они* не натворили достаточно святотатств – если смотреть на это с туземной точки зрения – чтобы Радужный бог не горел желанием их наказать? А если так, было ли спасение от пиратов и пересечение Границы той самой карой? Видимо, точка зрения зависит от конечного результата, мудро рассудил Луис.

В Академии он был одним из первых в классе предсказаний. Правда, бурых водорослей для вхождения в транс здесь не наблюдается, а местную дурь принимать опасно – вдруг потом всю последующую жизнь придётся преодолевать пагубную страсть к наркотическому зелью? Но зато у него имеется кое-что другое: сам Кристалл. Пусть даже разбитый, вон в древности колдуны-радужники использовали магическую силу и самых мелких, «отрыгнутых» Змеем осколков-кристаллов...

Что он как-то говорил Арону об использовании Камня? Нужна безусловная вера в само существование, в могущество Радужного Змея.

Вот как раз теперь он верит. Уже в Пасти дракона, за несколько минут до того, как «Гончую» заглотила гигантская воронка, он своими собственными глазами видел плывущего параллельным курсом гигантского морского змея. И потом... Луис зажмурился, возвращая воспоминания, которые привык считать кошмарным сном: бурление, шум, гул в ушах, в самой крови, немеющие руки отчаянно пытаются раздвинуть толщу воды, которая окружает тебя повсюду – сверху, снизу, сбоку – вырваться, спастись... и без сил опускаются. Последней чёткой и трезвой мыслью становится: всё, ты погиб. А последним ощущением – как нечто подкидывает тебя снизу, увлекает за собой гибким длинным телом вкупе с сопровождающим вихревым течением, и ты рефлекторно хватаешься за холодное, твёрдое, режущее пальцы... чешую?

Это Змей вынес его из того водоворота. Буквально на себе, безумного седока, осмелившегося оседлать божественное морское чудовище.

Так что с верой проблем уже нет.

Следующее, что нужно сделать – окропить Камень собственной кровью. Тут тоже никаких сложностей. Луис достал рыбацкий нож, который стал носить на поясе чуть ли не с первых дней, как оказался в чужом мире. Закатал рукав, примерился и сделал короткий разрез там, где билась близкая синяя вена.

Прежде чем кровь остановилась, он успел залить ею место разлома Кристалла и, перевернув, смазать гладкую неповреждённую поверхность.

– Ты что делаешь?!

Ингрид таращилась на занесённую над хрустальным обломком руку Найдёныша, с которой бодро стекала струйка крови. Причина, то есть орудие, валялась на столе тут же – нож, с которым парень, как и она сама, не расставался. В два шага дойдя до стола, девушка схватила, крепко сжав, его окровавленное запястье.

– Рехнулся? Умереть захотел?

– Ни в коем случае, – умиротворяюще заверил Найдёныш. Аккуратно вывернул скользкую от крови руку из её пальцев; помогая зубами, прихватил запястье приготовленной полоской ткани, продемонстрировал хозяйке. – Видите? Всё продумано.

– Продумал, как бы ловчее вскрыть себе вены? – Девушка с грохотом отодвинула табурет, села и мрачно уставилась на окровавленный камень.

– Ну... это такой обряд, – после некоторого колебания (решал соврать или нет?) пояснил Найдёныш.

– Обряд для чего?

– Я же говорил, что кое-что постепенно вспоминаю? У нас на корабле была... гадалка, которая с помощью этого камня предсказывала будущее. Я решил попробовать. Но для начала нужно накормить камень собственной кровью.

– А потом ещё и кровью всех окружающих? – подозрительно поинтересовалась Ингрид. Ну а что, от некоторых туземных обычаев волосы просто дыбом встают! И не туземных тоже.

Найдёныш улыбнулся.

– Нет, что вы! Дать ему напитаться светом Рохо и... то есть, Брата и Сестры, а когда камень засияет, уже вопрошать его.

Хозяйка смотрела скептически.

– Но ведь он расколот и наверняка... э-э-э... сломан! Думаешь, все эти... процедуры сработают?

– Сломан – точно, – задумчиво согласился Найдёныш, – иначе бы я не сумел его даже коснуться. Ну, не попытавшись, не узнаешь!

Ингрид перевела взгляд на камень и выдала очень... пассатовское восклицание, которое в весьма приблизительной (и приличной) редакции можно было передать как: «посмотри, какое интересное явление!».

Кровяные пятна прямо на глазах исчезали с поверхности камня, словно растворялись в его серой глубине. Вскоре он опять выглядел совершенно обычным непримечательным осколком шара. Правда, обоим наблюдателям показалось, что он стал гораздо прозрачней и каким-то... лощёным.

– Да-а-а, твой камень и правда был очень голодным! – заметила поражённая Ингрид.

Луис выглянул из каюты, привлеченный многоголосыми криками. Чуть ли не весь экипаж вкупе с учёными столпился по правому борту – этак корабль скоро даст крен на один бок! – кто повиснув на релинге, кто цепляясь за ванты, кто и вовсе вскарабкавшись вверх по такелажу. Воздух просто звенел от призывов: «смотри-смотри!», разнообразных ругательств и междометий тех, у кого не хватало сил или мыслей на какую-либо связную речь. Оценив свои возможности растолкать толпу – ни роста, ни сил – Луис взбежал на мостик со словами: «Я только посмотрю!».

Но никто и не подумал его прогонять. Только капитан Анжэ глянул отсутствующими глазами, остальные даже не обернулись. Не до того было.

Как стало и ему самому, когда он бросил взгляд на воду.

Рядом с кораблём, то показывая полукольца своего тела, то скрываясь под водой, плыло длинное гибкое тело – ни головы, ни хвоста. Морской змей двигался с кораблём вровень, не пересекая ему путь и не собираясь отставать. Мокрая чешуя сверкала в свете Матушки такими яркими разноцветными бликами, что хотелось зажмуриться.

Радужный Змей?! Здесь? Почему? Откуда? Можно, конечно, не верить собственным глазам, но не толпе видящего его народа...

Капитан спросил – вроде бы шутливо:

– Ну что, делла профессор? Уже пора приказывать моим канонирам заряжать пушки? Или ваши боевые дельфины справятся с этим зверюгой сами?

Алица, сжимавшая поручни с такой силой, что те, казалось, были готовы треснуть, отозвалась вполне серьёзно:

– Мои дельфины работают по акулам и косаткам, да ещё кое-каким известным приборьерным тварям. Не думаю, что они в состоянии справиться с... хм... с морским драконом.

Парочка и впрямь плыла в почтительном отдалении от корабля и его неожиданного спутника.

– Раз вы уж специалист... хм... в своей области, – вряд ли капитан дразнил профессора, просто машинально подстраивался под её манеру разговора, – можете сказать, с чего он к нам привязался и как долго будет длиться это соседство? Вы, случаем, не везёте в трюме его деток, которых он страстно желает повидать? Корабль у меня, конечно, крепкий, но броня вовсе не из небесного металла, не хотелось бы, чтобы этот ваш дракон пробовал её на зуб. Кстати, а вы видели его зубищи?!

– Не успела! – с непонятной окружающим досадой воскликнула муссонка. И перегнувшись вниз, гаркнула: – Ну что там у вас, каракатицы косорукие? Скоро уже?

Отчаянно метавшиеся вокруг устанавливаемой на треноге фотографической камеры сотрудники отвечали в смысле: вот ещё секунда, ещё миг, и они готовы...

– Если он сейчас свернёт с нашего курса, мы даже снимки сделать не успеваем! Опять будут только устные свидетельства, никаких доказательств! Вы не представляете, как в научной среде относятся к рассказам очевидцев! Даже мои слова подвергнут сомнению!

– Вот горе-то, – пробормотал капитан, не отрывая взгляда от дракона. – Меня гораздо больше волнует вопрос, чего ему от нас надо. Если просто составить компанию – это одно, а вот если он примет нас за врага-соперника или ему что-то нужно на нашем корабле... – Он рассеянно огляделся и обнаружил рядом Найдёныша. – Что скажешь, малыш? Может, он ждёт от нас жертвы, откупа? Какого-нибудь симпатичного мягонького островитянина, например. А?

Тот с трудом отвёл глаза от грозного морского спутника, невидяще глянул на циклонца. Губы его шевельнулись: «Нужно... ждёт». Найдёныш развернулся и опрометью кинулся вниз. Анжэ насмешливо хмыкнул:

– Испугался, креветка пустигололая!

Кристалл сиял!

Не так ослепительно, как когда-то, будучи целым, в Змеевом храме, но куда ярче заправленных ворванью корабельных ламп. Расцветивал убогую каюту своим волшебным радужным сиянием. Луис даже был готов поклясться, что слышит его музыку – Песню Камня, о которой толковали жрецы и девочка-вор. Да сейчас он готов услышать, увидеть, поверить во что угодно: ведь Змей-Радуга здесь и пришёл он по следу своего Камня, напоенного кровью Луиса и сиянием ночных и дневных светил! Несмотря на насмешки («глянь-ка, никак не может расстаться со своим булыжником!») Найдёныш теперь регулярно выволакивал мешок с камнем на палубу, как когда-то проделывала Рика.

Чудом не промахнувшись, Луис рухнул на табурет у стола и жадно уставился на осколок. Змей отыскал «Гончую» с похищенным Камнем на той стороне, а теперь появился рядом с кораблём, на котором опять-таки находится Камень. Значит, верно говорила девочка-вор, что Кристалл всегда на связи со своим богом. Тот ли это Змей, свободно шастающий туда-сюда через Границу-Барьер или местная его разновидность, именуемая здесь драконом, сейчас Луиса мало занимало. Главное – Камень признал его, ожил, и...

И он может попытаться.

Луис взгляделся в мягко сияющую глубину, отсекая все ненужные сейчас внешние ощущения: привычную качку, твёрдость дерева под собой, голоса людей снаружи... тревоги, воспоминания, сомнения...

Скоро всё окружающее исчезло. Свет становился ярче, ладони ощутили разгоравшееся изнутри тепло – да не вспомнил ли, наконец, Камень, что его не должно касаться алонкею? Пусть, уже всё равно...

И он очутился внутри Кристалла.

Рика такого не рассказывала – она видела лишь появляющиеся на поверхности Камня картины. Это напоминало его недавнее... полуутопление: та же толща пронизанной светом воды, то же нежелание, невозможность двигаться, выбраться наружу. Свет с одной стороны стал ярче, и Луис скользнул ему навстречу – бестелесно, невесомо.

Он стоял на палубе. Корабль двигался, паруса наполнял ветер, море ласково покачивало судно в своих синих и сильных ладонях. Снова провалился в свой повторяющийся сон? Но где же та, что всегда ему снится?

Ни рядом, ни вокруг никого не было; ни на мостике, ни рядом со штурвалом. Камень шлёт ему какое-то предсказание-предупреждение, как когда-то Рике? Что же, он в будущем попадёт на легендарный корабль-призрак, который странствует по океану без руля и команды?

Номо бросал брызги лучей из-за редких облаков, и со стороны юта ему то и дело что-то ответно посверкивало. Вглядевшийся Луис не поверил своим глазам: сияла половинка Камня, закреплённая у штурвала, как традиционно здесь, в Южном мире – пас! Луис скользнул ладонью по гладкой поверхности, ещё раз всмотрелся...

Это не его осколок! Вот незнакомые зазубрины, похожие на след острых гигантских клыков, вот внутренняя зигзагообразная трещина, которой в его половине не было. И судя по изрядно помятой и потускневшей медной окантовке Кристалла, он здесь уже изрядное количество времени. Неужели всё-таки часть Камня осталась у друзей и сейчас...

У уловившего краем глаза движение Луиса дрогнуло сердце. Он медленно повернулся. Придерживаясь рукой за фальшборт, неподалеку стояла женщина. Совершенно незнакомая женщина. Кто она? Куда его занесло?

Женщина отвела длинные прямые волосы, которые ей в лицо бросал ветер, Луис увидел остренькое сероглазое лицо и с опустошающим облегчением узнал – конечно, он ведь помнил её с мальчишески короткой причёской...

– Рика? – произнёс он и откашлялся, не услышав собственный голос. – Девочка-вор? Ты меня видишь?

Глупый вопрос: а на кого бы она ещё таранилась такими круглыми глазами? Шепнула или выдохнула – он прочитал по губам: «Луис?!» и, повернувшись, неистово замахала кому-то руками.

Арон.

Знакомо долговязый, светлые волосы привычно забраны в хвост, на ходу вытирает руки какой-то тряпкой. Увидел его. Замер. Опять беззвучный взглас: «Луи-ис?». Шагнул, широко распахивая руки с засученными рукавами – Найдёныш даже машинально отклонился от грозивших его вымазать дружеских объятий. Но этого всё равно бы не случилось – руки прошли сквозь...

Они были друг для друга призраками.

Арон с мгновение глядел на него, потом по-прежнему беззвучно спросил что-то у Рики. Подошедшая девушка кивнула.

– Арон, дружище... - вновь немо позвал Луис. Они не могли не только коснуться друг друга, но и даже услышать. Альбатрос спросил что-то. Потом повторил, артикулируя губами: «Где ты? Где?».

Луис огляделся – и в этом далёком, призрачном для него мире он не потерял чувство направления. Граница Ада. Он за Границей Ада! Арон кивнул – понял. Изобразил что-то, повторяя свой вопрос снова и снова. Луис беспомощно развёл руками. Послать Рику за бумагой и пером? Он-то в своём трансе уж точно не может извлечь писчие принадлежности! И вообще неизвестно, не исчезнет ли он с этого неведомого судна и из Юга уже в следующую секунду!

Их тайный язык! Язык, который они специально разработали в детстве, чтобы окружающие взрослые ничего не поняли, а ровесники гарантированно загнулись от зависти, что не сами изобрели такое секретное общение! Рука забытым жестом коснулась губ, изображая первую букву. Вторую. Третью. Бровь, висок. Кончик уха. Глаза напряжённо следившего за ним Арона прояснились: кивнул. Он вспомнил!

Надо успеть выдать как можно больше информации за короткое время транса, а они почти всё забыли, да и букв-жестов в детстве разработали адски мало.

Главное! Там, за Границей Ада, есть жизнь. Люди. Корабли. Они идут через Барьер. Он придёт с ними. Следи за Камнем. Снова буду говорить.

Глаза друга расширились, но он кивал и повторял вслух и жестами то, что понял.

«Скажи...» – Луис задумался. В детском языке уж точно не существовало знаков, обозначавших Красный Терем, резиденцию уния Круга Дыма! Как и самого уния. – «Скажи всё...», – он ткнул пальцем в небо. Арон, конечно, поймёт, что доклад надо послать вовсе не напрямую Номосу. Другое дело, поверят ли ему верха...

Попытался рассказать ещё про расу мореходов, но все вокруг внезапно потускнело, словно на мир резко плюхнулись сумерки. Увидел, как переглянулись двое, как руки друга дрогнули в бессильной

попытке удержать – значит, всё, он уходит, исчезает из мира родного Юга. Спыхватился, что так и не спросил...

«Марисса? Где Марисса?»

Увидел глаза Арона, прочитавшего по губам имя, и всё понял. Ещё до того, как друг медленно повернул руку большим пальцем вниз...

– Найдёныш! Найдёныш, что с тобой?

Его тормозили за плечи, хлопали по щекам, дули в лицо – пока он, наконец, не нашёл в себе силы шевельнуться и открыть глаза. Тут же зажмурился от нестерпимо яркого света поднесённой к лицу лампы.

– Напился? – лениво предположил знакомый голос, по которому Найдёныш и определил, на каком он сейчас свете. Вернее, в какой стороне света. Капитан Анжэ де Циклон – значит, Север, логично же?

– У него кровь из носа! – встревожено отозвался ещё более знакомый и близкий голос. – Ты стукнулся обо что-то?

– Стукнули? – выдвинул следующее предположение добрый циклонец.

Он протёр лицо и поглядел на заляпанную красным руку.

– Опять... – имея в виду – слишком длинный транс снова перегрузил сосуды, но хозяйка встревожилась ещё больше:

– Опять?! У тебя уже такое бывало? Как часто у тебя идёт кровь носом? – казалось, девушка готова была немедленно бежать за корабельным лекарем, он поспешил её успокоить: мол, резко наклонился за упавшей сумкой и шарахнулся со всей дури о стол. Тут Ингрид уже его обругала – но с облегчением. Велела зажать нос и смотреть в следующий раз по сторонам. Выпрямилась, с подозрением взглянула на циклонского капитана:

– А вам-то что надо в нашей каюте?

– Вообще-то эта каюта, как и весь корабль, – мои, – высокомерно напомнил Анжэ. – Я просто спешил успокоить вашего перетрухнувшего слугу, что сегодня дракону его скармливать не будем.

– Уплыл? – пробормотал Найдёныш.

– Уплыл, – в голос подтвердили пришедшие. – Несколько минут назад.

И он вышел из транс...

– Хорошо, что профессорша успела сделать снимки, а то бы съела нам мозг до возвращения! Между прочим, Ингрид яру Пассат, она вас желает видеть, и немедленно.

Вновь осыпав Найдёныша ценными указаниями, девушка вылетела из каюты, напоследок бросив на циклонца недоверчивый взгляд – тот ответил ей любезной, как он считал, ухмылкой. Критически осмотрел Найдёныша, укладывающего осколок в сумку.

– Между прочим, никаких уроненных вещичек под столом я не наблюдаю.

Луис покосился на него:

– И что с того?

– Я к тому, если это, – Анжэ провёл у себя под носом указательным пальцем, словно рисуя усы, – заразно, я точно скормлю тебя первой попавшейся на пути твари. А то и сразу Барьерным зародышам в трюме.

– Очень предусмотрительно, – согласился Найдёныш. Лёг на свою полку и отвернулся к стене. Услышал, как хмыкнувший циклонец вышел из каюты, стуча каблуками.

Луис слепо смотрел на доски переборки. Голова, как обычно после транса, была тяжёлой, болела и кружилась, но он заставил себя досконально вспомнить все ощущения, всё увиденное на той стороне.

Можно было счесть происшедшее совершенно невероятным; видением, порождённым его огромным желанием увидеть друзей живыми; сном наяву...

Если бы не одно «но».

Вернее, два.

Отросшие волосы девочки-вора – он ведь никогда даже не представлял её с нормальной женской причёской.

И то, что на левой руке Арона теперь не хватает двух пальцев.

Луис закрыл глаза.

Марисса умерла.

– Что это такое?

Он не сразу понял. Кинул взгляд на лицо хозяйки – рассержена? – потом на вываленные на постель вещи: его одежда смешалась с её, Ингрид, похоже, спохватилась, что завтра они уже прибывают в Мус, и решила уложить сумки.

...Всю обратную дорогу девушка пропадала в трюме с муссонцами и зародышами – никто уже не сомневался, что Алица восстановит её в университете. Тем более выяснилось, что ушла она по недоразумению – «отравленный» Берт тогда сообщил чересчур способной пассатской студентке слова профессора, что её в конце семестре якобы выгонят из университета. На самом деле Алица наоборот собиралась предложить Ингрид перейти в свою лабораторию, пусть и на птичьих, временных правах – как себя покажет, но всё же...

– Что это такое, я тебя спрашиваю?! – теперь девушка сунула ему под нос знакомый полотняный мешочек. А-а-а, вот оно в чем дело! Найдёныш аккуратно перенял свой «кошелек» на ладонь, прикинул вес, растянул завязки, заглянув внутрь, выудил монету, критически повертел перед глазами.

– Смею предположить, это деньги?

– Само собой деньги! – рявкнула хозяйка. – Прекрати строить из себя идиота, я уже давно этому не верю! Откуда они у тебя?

– Нашёл, – лаконично сообщил он.

– Нашёл? – Ингрид так быстро выхватила мешочек, что Найдёныш испугался, что она тут же съездит им ему по голове – с неё станется! – Я пересчитала: там целых десять маринов! Где то место, где валяется столько деньжищ?

Где было, там уж нет...

– Это же выручка из конторской кассы, да?

– С чего вы так решили? – спросил Найдёныш, чтобы хоть что-то сказать.

Ингрид ткнула ему в лицо монетой.

– С того! Видишь разрубленный в двух местах край? Это торговец Син заплатил, мы ещё из-за неё повздорили!

– Да мало ли таких ломаных монет на свете, – вяло возразил Найдёныш, сам себе удивляясь: под взглядом медленно, но неуклонно наливающимися гневными слезами глаз хозяйки выкручиваться и врать не хотелось совершенно.

– Как ты мог? – спросила Ингрид яру Пассат почти шёпотом. – Как ты посмел?! Найдёныш, зачем? Скажи, зачем?

Он и сказал – честно и просто:

– Мне нужны деньги.

– Деньги... – повторила хозяйка. – Тебе нужны деньги. И поэтому ты обокрал меня, мою семью, мой клан – всех, кто тебя спас, выходил и кормил, хотя пользы от тебя никакой.

– Выходит, так, – согласился он.

– А ты подумал о том, – так же ровно продолжила Ингрид, – что раз деньги пропали с моим отплытием, в воровстве заподозрят именно меня? Как удобно, правда?

Он моргнул. Об этом он точно не думал.

– С чего вас-то? Вы же дочь главы фактории, буквально второго человека в роде...

– ...который отказался оплачивать мою учебу, – закончила Ингрид.

– А этого, – она вновь качнула «кошельком» в угрожающей близости от его лица, – хватит на несколько лет обучения и безбедной жизни в Мусе!

– О. – Найдёныш подумал и выдал утешительное: – Ну тогда всё к лучшему, правда ведь?

Неудачно выдал. Крайне неудачно.

Он всё-таки сумел увернуться, и монеты не сломали, а только лишь разбили ему нос. Зажимая лицо ладонью, Найдёныш вылетел за дверь – вслед ему летели тяжёлые предметы и такие забористые ругательства, которых он даже от циклонцев не слышал: хозяйка наконец вспомнила, что она из Пассата родом.

Найдёныш побрёл по палубе прочь, шмыгая носом и вытирая кровь, и сослепу наткнулся на шкипера. Отпрянув, прогнусавил:

– О, простите, капитан де Анжэ, я вас не заметил! Я вас не ушиб?

Циклонец придержал его за плечо.

– Меня-то нет, а вот ты, я смотрю, хорошо ушибленный! – прислушался к буре, разразившейся в одной отдельно взятой каюте, и с улыбкой взглянул на Найдёныша. – Тебе, думаю, просто необходимо выпить! Идём. Не возражай, сейчас всё равно тебе податься некуда.

Хорошо, если только «сейчас». Ингрид теперь вряд ли пустит его в свою каюту. А то и в свою жизнь.

Что же он так плохо спрятал деньги!

Давненько он так не напивался. Беззвучно постанывая, Луис нашёл на столе кружку с остатками хмельного, влил в иссохший рот. Начали с вина – отличного, надо сказать, вина, лучшего из тех, что он здесь, на Севере, пробовал. А закончили вот этим самым пойлом – настолько крепким, что до сего времени ещё не выдохлось. Циклонский капитан храпел, откинувшись на стену, руки скрещены на груди. Оба пытались друг друга спить, но, похоже, борьба оказалась на равных. Так и уснули прямо за столом, не побеждённые и не победившие...

Луис подпёр нещадно трещащую голову и заставил себя размышлять.

Прежде он ставил целью найти своё (и хорошее!) место в позабытом, как он думал, а потому неизвестном для него мире – поначалу с помощью хозяйки, которая тоже не горела желанием провести жизнь в окраинной рыбацкой фактории. Попасть в большой город, оглядеться, прикинуть силы, способности, возможности – как знал, чувствовал, что создан для большего!

А теперь ему просто нужно вернуться на свой Юг.

Всего лишь.

Пока перед ним два пути. Первый – отправиться в университет Муса вместе с Ингрид... если удастся её теперь успокоить, конечно. Но есть большая опасность, что его, как и предрекает хозяйка, запретят в лаборатории исследовать врождённую способность, которая на юге имеется у любого морехода, то есть алонкея, а здесь приравнивается к полезной, но редкой мутации. Муссонцы традиционно таят свои секреты, вряд ли он в качестве бесправного испытуемого сумеет добраться до тех, кто готовит экспедицию на Юг.

Вторая возможность – остаться здесь, у Барьера, с Анжэ де Циклоном, как капитан предлагал раньше и повторил во время сегодняшней попойки. Луис не обманывался предложением честного договора: судя по слухам о циклонцах, тот самый срочный договор в любой момент может превратиться в пожизненное рабство, а

обещанная щедрая плата – в миску еды, кружку с водой-ромом, и корабельную полку. И станет корабль ему плавучей тюрьмой почище университетских лабораторий, о которых Ингрид рассказывает с восторженной опаской. Спohватившись, Луис тщательно осмотрел свои руки: у циклонцев важные договоры принято подписывать добавочно ещё и собственной кровью – а ну как во время пьянки он что-нибудь подмахнул беспечно? Подушечки пальцев и запястья были целы.

Но коли выживших друзей с «Гончей» искать уже не нужно, что ему здесь делать? Ждать у моря погоды – то бишь, когда мимо проплывут (пролетят) исследовательские корабли мореходов? Подбить на штурм Барьера самих циклонцев? При всей своей отчаянности те не настолько безумны – да и что он им может обещать взамен? Самому отправиться вплавь или на лодке через Барьер? И он ещё не до такой степени отчаялся.

Нужно искать третий, правильный путь – выход на тех, кто набирает людей в экспедицию. Лишних там явно не будет (моряки, солдаты, учёные), но вдруг удастся доказать, насколько он, буквально пас в человеческом теле, необходим им в околoбарьерных водах! Причём с этой и с той стороны.

На крайний случай использовать очень известный и старинный способ: уплыть на экспедиционном судне в качестве зайца.

Прижимая к груди сумку, Найдёныш переминался у схода. Терпеливо ждал.

Двое учёных оставались следить за выгрузкой драгоценных монстров: в живых тех осталось аж четыре штуки. Игнорировавшая своего слугу всё оставшееся до прибытия время Ингрид и сейчас сошла на пристань, совершенно Найдёныша не замечая. Покивала матросам, проронила прохладное «прощайте» Анжэ де Циклону: капитан проявил неожиданную вежливость, выйдя проводить своих учёных пассажиров. Или хотел самолично убедиться, что они наконец убрались с его корвета?

Девушка раскланялась с профессором – та повторила уже который раз: «Значит, жду тебя завтра с утра у себя в кабинете! Приказ на восстановление подпишу сегодня же». Ещё и со снисходительным ободрением похлопала собеседницу по плечу – правда, для того ей пришлось изрядно вытянуться.

Новоявленная (вернее, только что возвратившаяся) студентка муссонского университета поправила заплечный мешок, прикидывая, куда отправиться на поиски подходящего жилья. Скользнула пустым взглядом над головой негромко, но настойчиво окликавшего Найдёныша. Однако когда тот осторожно потянул девушку за рукав, стряхнула его руку резко, с давно накопившимся раздражением:

– Попробуй ещё хоть раз ко мне прикоснуться – все пальцы пообломаю и на корм крабам пушу! Понял?

– Понял, хозяйка, – смиренно поклонился тот, девушка разозлилась ещё больше:

– Никакая я тебе не хозяйка! Больше не имею к тебе совершенно никакого отношения! Ясно?

– Ясно. Но...

– Проваливай кракену в задницу и больше никогда передо мной не появляйся!

Уже усевшаяся в экипаж Алица делла Муссон оглянулась на них нетерпеливо:

– Паренёк, ну где ты там? Быстро ко мне!

Ингрид кивнула подбородком на профессора:

– Вон теперь твоя хозяйка! Давай, беги, выполняй команды! – И, придвинувшись, прошипела: – Ты ещё не говорил ей, что не можешь жить без воды под ногами? Ну так знай, только расскажешь, так после опытов все оставшиеся мозги растеряешь!

– Какое нежное прощание! – заметил откровенно наслаждавшийся этой сценой циклонский капитан. Ингрид кинула на него горячий взгляд:

– А вы хорошенько проверили свои карманы, Анжэ де Циклон? Если что – не обессудьте!

И круто повернувшись, отправилась большими шагами от пристани прочь. Под взглядом циклонца – поначалу озадаченным, потом задумчивым – Найдёныш резво припустил к теряющей терпение профессору. С извинениями уселся напротив Алицы в экипаж. В поездке аккуратно придерживал на коленях сумку – после реквизиции хозяйкой пассатовских денег котомка заметно отощала и полегчала. Ну, не считая того, что он позаимствовал там-сям у циклонцев.

А что делать, надо же с чего-то начинать!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вышедшая из ворот Академии Ингрид задумчиво огляделась: дежурный сообщил, что ассистентку профессора Алицы делла Муссон Ингрид яру Пассат ожидают за оградой, но, загнанный, настолько торопился по следующим поручениям, что даже не удосужился сообщить – кто и зачем. Это мог быть кто угодно: например, пассатовец с посылочкой от семьи; повзрослевший Питер, наконец-то вырвавшийся в большой мир – но по делам клана, решивший с чего-то навестить свою уже «полумуссонскую» сестру. Или вообще какой-нибудь морячок, прослышавший, что чудики с университета хорошо платят за доставку диковинной приборьерной твари, лучше всего живой, но заспиртованная или даже скелет тоже сойдут. Профессор не

тратила своё драгоценное время на переговоры с последними, поручая их своей ассистентке: уже опытная, та определяла ценность или подделку привезённого экземпляра Барьерной фауны. Да и рыбацкое прошлое давало о себе знать – излишней интеллигентностью Ингрид не отличалась, могла спокойно и цену в несколько раз перешибить и чересчур наглomu пройдохе пинок отвесить.

– Прекрасная госпожа!

Узнав этот знакомый голос, Ингрид с трудом подавила улыбку. Но оглянулась – неторопливо, очень неторопливо – только на следующий оклик: «Госпожа Ингрид яру Пассат из семьи старосты рода Остроги!» К ней приближался высокий сухопарый мужчина: чёрный бархатный камзол с позолотой, городская шпага у пояса вкупе с револьвером (ну куда ж циклонцу без оружия! наверняка имеется ещё парочка ножей за голенищами и в наручах, спрятанных за богатыми кружевами рукавов), высокие начищенные сапоги сияют на солнце. Не менее ярко сияло лицо капитана Анжэ де Циклон: глаза, улыбка, ямочки на обветренных щеках. Встречная дама, заглядевшись на бравого шкипера, даже запнулась на ровном месте. Хотя знай она, что это циклонец, подобрала бы юбки и кинулась бежать куда подальше. А может, и наоборот; с женским сердцем ничего не знаешь наверняка. Вон даже её собственное дрогнуло.

– Как же я рад вас видеть! – заявил Анжэ ещё издалека. – Я так по вас скучал! А вы, вы?

– Как же, соскучился он! – проронила Ингрид с прохладцей. – Мы виделись в Мусе аж четыре месяца назад.

И уже три месяца они с профессором находятся в столице Бриза, в Научной Академии, куда главу Ордена ветвей пригласили местные светила, так сказать, для обмена опытом. Делла Алица согласилась, не раздумывая: «Надо хоть одним глазком глянуть, что там у этих хвалёных бризольцев вообще есть!» Правда, чем дальше, тем больше Ингрид убеждалась, что учёные обоих кланов встретились лишь для того, чтобы вынюхать друг у друга новейшие открытия и разработки, делясь – и то со скрипом – только крохами, коих не слишком жалко.

– В наших отношениях большой прогресс – вы уже начали считать время моего отсутствия! – заметил Анжэ, на ходу срывая шляпу.

Остановился на опасно близком расстоянии, оглядел блестящими птичьими глазами и подвёл итог:

– Ещё больше похорошела!

– Да куда уж больше-то, – возразила Ингрид, пытаясь вырвать сцапанную циклонцем руку – поторопилась, не отмыла хорошенько после того, как препарировала одну крайне любопытную особь медузы. Но то ли у капитана Анжэ с нюхом были проблемы, то ли он

уже привык, что от Ингрид яру Пассат пахнет отнюдь не пудрой-духами: руку поцеловал с чувством, с толком, с расстановкой. Ещё собирался приложиться и к бледной от вечного бдения в лабораториях щёчке – не вышло, натренировано увернулась. И щека, и девушка.

– Могу выделить для вас полчаса, – предупредила Ингрид, глянув на циферблат на торчавшей над парком высокой башни Академии. Циклонiec скорбно покивал:

– Всё такая же занятая особа! Что ж, мне и полчаса за счастье, как голодной собаке – кости!

– Так вы же сами вечно в странствиях! Каждый раз удивляюсь, на ком вы там отрабатываете все эти ваши лирические пассажи! На морских волах, медузах или каракатицах?

Капитан весело блеснул глазами:

– Вам и правда лучше об этом не знать! Давайте пройдемся.

Молодые люди двинулись по аллее вдоль ограды Научной Академии. Ингрид жмурила отвыкшие от солнца глаза: особого желанья прогуливаться по улицам Бризоли у неё раньше не возникало. Да и не с кем, честно говоря. Не с профессором же делла Муссон, право слово!

– Каким судьбами капитан в наших... то есть бризовских краях?

Самый мятежный и свободолюбивый из кланов обычно столицу правящего Бриза не жалуется.

– А-а-а, – догадалась Ингрид. – Решились-таки заменить свой деревянный старичок на этот новый железный корабль с... как его... паровым двигателем?

Анжэ поморщился, словно она отдала ему любимую мозоль. Отозвался нехотя:

– Уже не только с паровым... И не такой уж мой «Морской пёс» старый! Просто в последнем рейде ему тяжело пришлось, ремонт встал мне в мар... Ну а так-то да, всё же придётся приобретать пароход, – капитан уныло вздохнул, что было на него совершенно непохоже. – Надо идти в ногу с прогрессом! Но в Бризол я прибыл не только для этого.

– Для чего же ещё?

Вновь заиграл глазами.

– Первым делом, конечно, увидеть одну прекрасную госпожу из Пассата!

– Как же, – проворчала себе под нос девушка. – У вас наверняка в каждом городе, да что там – в каждой деревеньке по такой распрекрасной!

Анжэ де Циклон аж остановился, истово прижимая к сердцу руку:

– Как вы можете такое говорить! Такой, как вы, во всём Океане просто не найти!

– Вот с этим согласна, – добродушно кивнула Ингрид. – Чтобы рыбачка да по университетам и академиям других кланов шастала – это точно занесут в анналы! Причём не только Пассата.

– Но вы же довольны тем, как всё сложилось?

Как ни странно, именно с циклонцем она могла себе позволить быть откровенной. Может, потому что сегодня он здесь, а завтра на другом конце Аквы? Ингрид задумчиво нахмурилась.

– Понятно, что другой берег всегда кажется зеленее! Вот и я думала, что всё будет более... как бы это сказать... не так формализовано...

– Хотели, чтобы стало более живенько?

Ингрид слегка улыбнулась.

– ...приближено к жизни. У меня есть некоторые способности, но вместо того, чтобы их развивать и использовать, мы с профессором делла Муссон только и делаем, что собираем материалы для очередной научной дискуссии, изучаем и опровергаем доводы и доказательства оппонентов...

– Ваша профессорша слишком стара, – решительно прервал её Анжэ, – вот из своих лабораторий уже носа и не кажет! Настоящее дело сейчас делается вовсе не среди этих старпёров в университетах и академиях! Не хотите плюнуть на высоколобых му... ссонцев и перебраться в лабораторию на наш Табуа? – увидел её удивлённый взгляд и засмеялся: – Что, думали, это большая тайна?

Уже давно не секрет, что чуть ли не каждый клан проводит опыты с Барьерной живностью и растениями, дрессируя, изменяя, выращивая нечто новое, приспособливая под свои нужды – в том числе и военные. Ведётся большая гонка и в технических и в биологических открытиях-изобретениях, кто победит – тот и оседлал зарождающийся ураган. Хотя наверняка в конце концов всё подгребёт под себя правящий Бриз...

– А может, – капитан неожиданно остановился и взял её за плечи. – Может, ну их, всех этих учёных и всё-таки со мной, а? Клянусь, я вам любую тварь для ваших опытов из-под земли достану!

Ингрид осторожно убрала его твёрдые ладони. Поправила:

– Из-под воды.

– Из-под неё тоже!

– Ещё лучше прямо из Барьера.

– Да запросто! Кстати, второе дело, ради которого я сюда прибыл, – проводы своих.

– Куда?

– За Барьер. – Анжэ взглянул на неё и воскликнул: – Ингрид яру Пассат, да вы в своих лабораториях среди заумных стариков и старушек совершенно оторвались от жизни! Вы вообще в курсе, что Бриз отправляет пароходы на шторм Барьера?!

– А, да. Да, конечно. Что-то такое слышала, – смущённо признала Ингрид. Капитан Анжэ звучно шлёпнул себя по ляжкам.

– Вся Аква кипит, я, как и мои братья циклонцы, рыдаю горячими слезами, что не успел на отбор капитанов для экспедиции, а она «что-то где-то слышала»!

– И... ведь уже скоро, да?

– Скоро. Завтра.

– Вот как.

– Ну вот что! Завтра в двенадцать я заезжаю за вами, и мы отправляемся на праздник в порт, – решительно объявил Анжэ. – Даже не вздумайте возражать! Успейте до полудня вскрыть, разрезать, отпрепарировать, или что вы там ещё делаете со своими бедными тварюшками, и выходите к главным воротам. Если вдруг не захотите или не дай Матушка забудете, я приду за вами сам. А вы знаете, что происходит, когда циклонiec приходит незваным? Всё, ваше время вышло, бегите к своей ненаглядной профессорше! До завтра!

И попросту удрал, не оставляя времени на возражения. Знал, что если «рыбачка» упрётся, её с места не сдвинешь, а так сработает эффект неожиданности.

Ингрид проводила взглядом его сухопарую фигуру, улыбнулась и отправилась к своим «бедалам».

И улыбалась за работой до самого вечера.

Что скрывать – она ожидала несколько иного. Хотя её по-прежнему безумно увлекали (порой даже ужасали) дерзкие проекты муссонцев, иногда становилось настолько душно и тесно, что даже место в конторке рыбачьей фактории вспоминалось с ностальгией и умилением. Конечно, потом хандра проходила, Ингрид встряхивалась, посмеиваясь над собой и своими глупейшими чувствами, и в «стописятый» раз проводила жутко увлекательный урок обучения медуз жалить электричеством по команде...

Так что визиты и письма болтливового циклонского капитана становились для неё отдушиной, настоящим порывом свежего ветра. Приветом из большого мира, который, оказывается, по-прежнему существует за стенами университета, лабораторий и питомников, и которого совершенно не волнуют бесконечные научные споры, интриги и попытки выбить финансирование под какой-нибудь проект.

С о-очень большим опозданием до неё дошло, что Анжэ де Циклон как-то слишком часто «по своим делам» появляется в водах Муссона, вернее, что дело у него здесь одно-единственное – она сама. Точно отец про неё говорит – башка дурья, дырявая! Впрочем, и поняв, всё равно ничего не предпринимала: надоест, отстанет сам.

Хотя в глубине души надеялась, что надоест циклонцу ещё нескоро.

Тем более что привозивший поначалу неведомых зверюшек «для хохмы» капитан стал выполнять и кое-какие её просьбы – отыскать, узнать, доставить. А «профессорша» – упоминать во всеуслышание: «у нас имеются свои люди в Циклоне!» Глупо, конечно, но и это Ингрид льстило: приручила пирата! Хотя, конечно, приручение очень и очень условное – как и приручение морского дракона, что удалось пока лишь одному университетскому гению: того и гляди, как бы не отхватил тебе голову и, вильнув хвостом, не скрылся с ней в пучине океана!

Время от времени Анжэ дарил ей безделушки – Ингрид принимала или не принимала их в зависимости от ценности. Но в прошлый раз, ещё в Мусе, придя после встречи с ненадолго заглянувшим капитаном, обнаружила в своей сумочке кольцо и приложенную к нему записку с уже знакомым твёрдым почерком: «Пусть полежит у вас, мне некогда заниматься обеспечением его сохранности! А.»

Делая выбор (надо сказать, весьма небогатый) платья для завтрашних проводов, Ингрид вспомнила о кольце. Вынув бархатную шкатулочку, не удержалась, примерила вновь. Широкое, просто варварски усыпанное драгоценными камнями, оно, как ни странно, шло её крупной и, что скрывать, не слишком нежной руке: вон ожог от кислоты, здесь шрам от укуса не желающей дрессироваться «тварюшки», ногти подстрижены под корень, чтобы не мешались... Представила вдруг, как сообщает батюшке про обручение с циклонцем – тот, не тратя лишних ругательств, просто пришибёт её на месте! Разве что она успеет выпалить о гарантии безопасности его судов от циклонских пиратов... Качнув головой, усмехнулась и сняла кольцо. Она же учёный, а все эти странные мысли просто антинаучны: циклонец – и она! Течения у них совершенно разные...

Не забыть завтра вернуть кольцо с советом пристроить его на хранение в клан Фён – говорят, у купцов самые надежные сейфы по всей Акве!

Пароходы вблизи Ингрид видела впервые и теперь рассматривала их с опасливым и недоумённым любопытством: такая тяжеленная железная махина – и держится на воде, не тонет? До чего, действительно, дошёл прогресс! Ведь совсем недавно о подобных кораблях и слухом не слыхивали. Всё-таки инженерия и механика – науки, достижения коих куда более стремительны и зримы, чем селективные усилия Ордена ветвей или выращивание живых зелёных кораблей кланом Сирокко!

На штурм Барьера отправлялось около двух десятков пароходов. Капитанствуют на них всё сплошь циклонцы, по поводу чего её приятель не уставал сокрушаться: как же так, не успел на отбор! Если бы он только знал! Но когда Ингрид – вполне искренне – заявила, что она наоборот рада, что Анжэ де Циклон не участвует в этой сумасшедшей

авантюре, примолк, взбодрился, начал поглядывать со значением и даже крепче прижимать её локоток к своему твёрдому боку.

Впрочем, их и без того со всех сторон стискивала празднично разодетая волновавшаяся толпа, скопившаяся на пристани: самые высокие и удобные места, как выяснилось, занимали чуть ли не с ночи; предприимчивые уличные мальчишки готовы были пристроить самых щедрых зевак на места с наилучшим обзором. Когда им несколько раз отдавили ноги, толкнули, съездили солнечным зонтиком по носу, да ещё Ингрид еле успела спасти свою сумку от ловких пальчиков, тут же, как и ни бывало, исчезнувших среди спрессованных тел, двое решили, что с них хватит. Растолкав зевак – толпа за ними радостно схлопывалась, Анжэ вывел девушку на более-менее просторное место, велел: «Подождите минуточку!» – и исчез на полчаса.

За это время Ингрид успела вдоволь налюбоваться на железные махины: среди широких труб сиротливо терялись мачты – то ли конструкторы собирались использовать для скорости и традиционные паруса, то ли предполагали перейти на них, когда топливо (что там у них, дрова, уголь?) вдруг возьмёт и закончится посреди океана. В порту Бризоли находились не все пароходы – лишь флагман и ещё тройка – большая часть присоединится позже, у Мистраля и Бора, но даже и эти своими размерами и непривычными обводами заполняли, казалось, половину просторной гавани. Корабли, новые и старые, пирс, к которому пришвартованы пароходы, были украшены трепещущими на ветру флагами, гюйсами и вымпелами, отчего казалось, что на порт опустилась большая стая разноцветных птиц...

– Идёмте, я договорился, – Анжэ коснулся её плеча так неожиданно, что девушка вздрогнула. Кивнул в сторону пирса. Проход охраняла двойная цепь полицейских, да ещё перед ним цепочкой стояли пустые экипажи, с которых то и дело сгоняли любопытствующих, потому толпа сюда не слишком напирала.

– С кем?

– Ну, как вы понимаете, у меня на этих красавцах знакомых немало! – Анжэ повёл её за руку к пирсу. – Жаль, раньше не подумал, могли бы ещё и по одному прогуляться. Сейчас уже придут шишки, начнётся всяческая патетическая болтовня, поэтому придётся постоять в сторонке. Зато в удобной сторонке. А пароход – свой, – обернувшись, он лукаво улыбнулся, – я покажу вам попозже и во всех подробностях!

Прозвучало это так, будто циклонц собирается показать ей не только и не столько свой корабль. Ингрид вновь подумала о кольце – нужно было вернуть сразу, ещё до поездки в порт, а теперь всё никак не получалось выбрать подходящий момент.

Полицейские при их приближении напряглись, приостановившийся Анжэ сказал что-то выскочившему как из-под земли неприметному серому человеку, тот махнул рукой, и цепь нехотя разорвала свою целостность: в тесный промежуток пришлось протискиваться чуть ли не боком.

– Бдят! – пояснил капитан, так широко шагая, что Ингрид тоже пришлось ускориться.

– Боятся, что трюмы заполнятся «зайцами»?

– Разумные меры предосторожности, учитывая недавние происшествия! Покушение на главу Тайной Канцелярии и на самого... – Анжэ ткнул пальцем в небо, – ...верховного тана.

– Покушения?!

Циклонц взглянул на неё с жалостью:

– Который раз убеждаюсь, Ингрид яру Пассат, что вам пора выбираться из этого... учёного болота, вы там просто обростёте тиной и окончательно оглохнете и ослепнете! Разве не заметили, сколько сегодня в порту полицейских и солдат? А также никому – кроме моего орлиного глаза – не видных агентов Канцелярии?

– Я думала, так и полагается во время праздника, для поддержания порядка... – запыхавшаяся Ингрид схватила его за плечо и взмолилась: – Да объясните же толком!

Анжэ помахал рукой окликавшим его с ближайшего парохода морякам.

– Давайте-ка встанем здесь! И в самой гуще событий и одновременно в стороне. И всё видно. Ну, наскоро...

Девушка с открытым ртом выслушала рассказ о некой Лиге, которая не только всячески тормозит прогресс – строительство паровых двигателей и пароходов, новейших изобретений в виде передачи сообщений по проводам, а не традиционными голубями, и даже растительно-животные селекции – но и всё чаще прибегает к открытым выступлениям вроде убийства влиятельных людей...

Хм, а стоит ли ради подобных новостей вообще выныривать из привычного «омута»? Каким образом она может повлиять на происходящее, да и каким образом эти события вообще её касаются?

Ингрид не подозревала, что те её коснутся и очень скоро...

Девушка оглядывалась, рассматривая окружающих. Мужчины в разноцветных клановых парадных мундирах, большей частью, разумеется, с эмблемами Бриза и Бора, контролирующих производство этих самых пароходов. Женщины все сплошь в светлых нарядных платьях, усыпанные сверкающими в свете Матушки драгоценностями, с кружевными зонтиками, которые ветер то и дело норовил вырвать из рук или хотя бы изогнуть спицы. Ингрид зябко передёрнула плечами – на пристани

среди толпы было тесно, зато тепло. Как не догадалась прихватить с собой шаль? Надеялась сразить циклонца своим – очень скромным, по сравнению с другими – декольте? Искося глянувший на неё вышеупомянутый циклонiec сдвинулся, заслоняя от гавани, но коварно налетевший с другой стороны ветер растрепал её причёску: была бы шляпка, улетела прямо в воду. Ингрид привычно потянулась заправить непослушные пряди, капитан придержал её руку:

– Позвольте мне...

Излишне долго возился со шпильками, подбирая выбившиеся пряди не одним движением, как она, а по одной, тонкой, точно тянул время, продлевая, наслаждаясь самим процессом. Ингрид передёрнула плечами. Совершенно не причём то, что он стоит так близко, что от его дыхания, касающегося обнажённой шеи, и следующих за ним пальцев бегут мурашки – это просто ветер холодный! Широкие горячие ладони аккуратно легли на её плечи.

– Замерзли? – выдохнул Анжэ в самое ухо. – Тогда разрешите мне...

Несмотря на протесты стянул с себя куртку, накиннул на неё: сразу стало тепло, даже жарко – и от нагретой ткани, и от того, что кое-кто из ближних соседей на них оглянулся. Самое время, решила девушка. Вынула из сумки шкатулочку.

– Вот. Возвращаю.

Анжэ глянул на её руку сузившимися глазами.

– Что так?

Ингрид откашлялась:

– Ну, я уже несколько месяцев заботилась о его сохранности, так что...

– Так храните и дальше!

– ...достаточно.

– Если вы думаете, что я снял его с какого-нибудь абордажированного купца...

– Не думаю! – перебила Ингрид и внезапно поняла, что и правда даже мысли об этом не допускала – настолько доверяет циклонскому мореходу? Повторила потише: – Вовсе нет. Я вообще о нём не думала.

Что до некоторой степени верно. Хотя вот с собой в Бризол, тем не менее, почему-то взяла.

– И зря, – сухо отозвался Анжэ. Взял с её ладони кольцо, открыл крышку. Спросил небрежно: – А хорошо ли вы его рассмотрели, госпожа Ингрид яру Пассат?

А что ей надо было там увидеть? Какую-нибудь надпись изнутри кольца? Особенный циклонский знак? Клеймо ювелирного мастера, подтверждающее его ценность?

– Достаточно хорошо.

Анжэ звучно щёлкнул крышкой и небрежно сунул коробочку в карман куртки. Сказал отрывисто:

– Очень жаль. Я предполагал, раз вы не желаете слышать меня, выслушаете хотя бы камни. О! Вот как раз те, кто мне нужен!

И устремился к остановившейся неподалеку паре. Ингрид смотрела ему вслед с облегчением, смешанным с разочарованием: слишком легко, слишком спокойно было воспринято возвращение кольца! Да полно, имел ли подарок какое-то особое значение или Анжэ де Циклон преподносит такие маленькие знаки внимания всем знакомым особам женского пола?

Тем временем циклонский капитан здоровался с высоким черноволосым мужчиной и отвешивал поклон – заметно уважительный – его спутнице. Ингрид пригляделась к той повнимательней. Тоже брюнетка, прекрасно и дорого одетая, тонкая, в профиль смахивающая на длинноносую птицу, и одновременно чем-то похожая на своего красивого спутника, она говорила скучным высоким голосом:

– А-а-а, опять Циклон? Вам мало того, что именно вы поведёте моих малышей? – женщина широким жестом указала на возвышавшихся вокруг железных монстров.

– Прошу прощения, госпожа Мистраль, что отвлекаю вас в этот торжественный для всех нас час, – продолжал бархатным, очень учтивым и серьёзным голосом Анжэ, – но я прибыл как уполномоченный клана Циклон и...

Мистраль – что за странная идея дать дочери имя одного из кланов? – отмахнулась и откровенно зевнула прямо в лицо капитану:

– Думаете, я не знаю, что вы сейчас скажете? Не могла бы я построить и продать пароходы именно Циклону, отодвинув других претендентов в очереди? С чего бы вдруг? Оставьте свою заявку и предложения, мы их рассмотрим. Правда же, Бриз? – очень интимным движением она смахнула невидимую ниточку с груди спутника и тесно взяла его под локоть. Мужчина глянул на неё сверху.

– Меня это не касается, Мистраль. Решай сама.

Ещё один с чудным именем, рассеянно отметила Ингрид, наблюдая, как настырный циклонский капитан, и не подумав обратиться с глаз пароходной дамы (кто она? промышленник? торговка?), продолжил беседу дальше, просто искрясь своим хищным обаянием.

В уме Ингрид, привыкшем решать загадки, всё крутилась фраза Анжэ о «говорящих» камнях. Камни могут служить амулетами и талисманами, помогать при различных болезнях, поддерживать или укрощать чувства, но она настолько далека от этой... науки, что вряд ли сможет вспомнить свойства того или другого. Может, каждый камень имеет своё значение, словно цветок в букете, составленном

умелой рукой? Это от неё ещё дальше! Спросить вечно влюблённую и вечно болтающую о своих многочисленных кавалерах служанку Мари – уж та точно разбирается во всяческих романтических тонкостях! Чего Ингрид совершенно не ожидала от циклонского морехода.

Она взглянула на «романтика». Похоже, его разбойничье обаяние подействовало и на скучающую промышленницу: склонив по-птичьи голову набок, та смотрела на циклонца уже заинтересованно, пару раз рассмеявшись каким-то его шуткам. В конце концов заявила с ослепительной улыбкой:

– Ну что ж, можете зайти завтра, капитан де Циклон... Анжэ? Я запомню ваше имя. Поговорим.

Капитан надолго приложился губами к её протянутой белой руке. Что не очень понравилось Бризу.

И очень не понравилось Ингрид.

...Да какие же в кольце были камни?!

Возвратившийся Анжэ просто сиял, и девушка не удержалась от вопроса, кто они такие. Конечно, главным образом Ингрид интересовало «кто *она* такая». Капитан отозвался с готовностью:

– Это Бриз и Мистраль, брат с сестрой из клана Мистраль. Те, кто придумали и производят «небесный» металл, из которого и строят пароходы. Мы всё пытаемся получить партию кораблей побыстрее в обход указаний Бриза, – с лица Анжэ пропала вечная ленивая усмешка, челюсти сжались. – Нам они куда нужнее, чем всем остальным кланам, вместе взятым! Но нет же – у верховного тана вечно своя стратегия, свои планы-интриги! Вдруг Циклон станет хоть чуточку сильнее? Промышленники – те вымогают откаты, тоже плетут свои хитроумные мелкие сети, где циклонцы задвинуты на самое распоследнее место! А ведь именно мы вечно играем в смертельные салочки с Барьером – с его постоянно меняющимися течениями, ветрами, самими законами природы! Ни один клан не теряет столько своих людей каждый год!

Впервые Анжэ говорил с ней так серьёзно, с такой страстью: скулы покраснелись, глаза горят, рука решительно рубит воздух.

– А если правду говорят, что там, за Барьером, тоже живут люди, которые пойдут на нас войной, ещё и мы примем на себя первый удар!

– Вы так в этом уверены? – мягко произнесли у них за спиной. Ингрид аккуратно развернулась на тесном пятачке вслед за раздражённо оглянувшимся циклонцем. Увидела перед собой согнувшегося в поклоне мужчину в алой одежде. Анжэ бросил на девушку быстрый взгляд, значение которого Ингрид поняла лишь когда неожиданный собеседник выпрямился, медленным движением ухоженной руки откидывая назад взъерошенные ветром чёрные волосы.

– Найдёныш?!

Знакомые чуть раскосые тёмные глаза сузились в улыбке.
– Очень рад с вами наконец встретиться, Ингрид яру Пассат!

Они не виделись три года.

Украденные из конторской кассы деньги Ингрид, разумеется, вернула отцу, поклявшись себе больше никогда не иметь никаких дел с Найдёньшем – тот просто перестал для неё существовать с момента, когда она обнаружила в его сумке похищенные мары.

Пересекаясь с ней в Университете, парень всегда останавливался, здоровался, пытался заговорить; Ингрид неизменно проходила мимо него как мимо пустого места. И хотя внутренне кипела, проклиная себя за излишнюю доверчивость и доброту, а его – за предательство, чёрную неблагодарность, гордилась своей редкой выдержкой. Иначе бы просто размазала его по стеночке – а посмей этот гад ползучий применить к ней свои хитрые драчливые штучки, ещё бы и прирезала ненароком!

Со временем Найдёньш как-то пропал из поля видимости. Ингрид решила, что воришка понял наконец всю безнадёжность попыток наладить отношения – если бы не услышала жалобы раздражённой Алицы делла Муссон на то, что Орден Реки посмел обойти её, лишив ценного материала для исследований – живого паса: этот беспамятный паренёк оказался ещё и талантливейшим предсказателем! И как профессор ни жаловалась, ни взывала к университетскому начальству, никто ей его не вернул – мол, погодите, закончат работу, получите ваш «пас» обратно! Как будто она не в курсе, что попавший в Орден Реки так в нём и остаётся, тонет словно в речном омуте! Не следует ли в следующий Большой прилив вновь сгонять на тот самый островок – а вдруг да прибьёт туда ещё один подобный самородок, а то и несколько?

Ингрид подивилась и подосадовала неожиданному известию: выходит, и без всякой помощи-поддержки бывший подопечный сумел стать ценной фигурой, за которую готовы передрасться уважаемые и именитые учёные! Оставалось надеяться, что Найдёньш так и застрянет в лабораториях Университета в вечной роли многообещающего испытуемого, живого материала для экспериментов...

Ан нет! Вот он. Выбрался. Выплыл. Верно говорят, дерьмо не тонет.

И судя по месту, в котором они сейчас встретились, ухоженному виду, дорогой – хоть и по-прежнему цвета «вырви глаз» – одежде, всплыл он довольно высоко.

Найдёньш улыбался ей прежней – искренней, несколько плутовской улыбкой:

– Вы прекрасно выглядите, госпожа Ингрид! Стали ещё красивее.

А где же прежнее обращение «хозяйка» потерял? Хотя да, какая она ему теперь хозяйка! Судя по всему, теперь у него хозяин другой и

вовсе не из рыбной фактории на конце света! Вон, просто увешан дорогими украшениями не меньше, чем все эти именитые дамочки вокруг. Так как Ингрид продолжала смотреть на него молча, парень повернулся к циклонцу и отвесил поклон уже ему.

– Здравствуйте, капитан Анжэ де Циклон! Провожаете своих товарищей?

Вновь бросив вопрошающий взгляд на безмолвную спутницу, тот кивнул.

– И тебе не хворать! Провожая, да. – Оглядел собеседника с головы до ног. – Ты, я смотрю, неплохо устроился! Откуда ты здесь?

– По делам службы.

– И какова же твоя служба? Взяли на пароход работать живым пасом в водах Барьера?

Парень принял уже знакомую по давней драке в портовом кабаке позу торжественной статуи. Странно, но в этот раз смешной она почему-то не казалась, вполне вписываясь в пафосную, шумную и малость безумную картину проводов. Произнёс с надменной прохладцей:

– Позвольте представиться: я Луис Тапу. Штатный предсказатель из канцелярии верховного тана.

Анжэ присвистнул с искренним восхищением: малыш-то оказался не промах! Перестал цепляться за бабью юбку (насчёт данной конкретной юбки очень правильно сделал!) и запрыгнул сразу на топ! Продолжавшая разглядывать своего бывшего слугу темнеющими синими глазами Ингрид промолвила:

– Необычное имечко! Сам придумал или всем штатным предсказателям такие присваивают?

– Это моё настоящее имя, – с достоинством возразил Найдёныш.

– О, так к тебе, наконец, вернулась память! Поздравляю! – Анжэ от души шлёпнул Луиса по плечу – тот дрогнул, но устоял. Крепкий малый, а с виду и не скажешь! – Ну и какова твоя история? Кто ты, откуда?

Тот улыбнулся одними губами.

– Да, кое-что вспомнил. Самое главное. Расскажу как-нибудь. Если доведётся.

Он по-прежнему неотрывно смотрел на Ингрид, что циклонца раздражало.

– Да, что насчет того, «уверен ли я»? – вспомнил Анжэ прерванный разговор. – В чём?

Луис перевёл глаза на него: очень тёмные, почти чёрные. Непроницаемые.

– Уверены, что южане... э-э-э... люди, теоретически проживающие за Барьером, обязательно начнут войну? Вполне возможно, тамошняя цивилизация предпочтёт переговоры и мирные связи.

Циклонец повёл плечом.

– Природа людей повсюду одинакова – даже будь они там, за Барьером, о двух головах и о трёх ногах, вряд ли запросто уступят нам собственные земли-воды-ресурсы! Потому война неизбежна.

Вот так все они рассуждают.

Неизвестность несёт в себе угрозу. Это факт. Вполне вероятно, что и по ту сторону Барьера-Границы Ада, узнав о существовании здесь могущественного и агрессивного народа мореходов, сейчас тоже готовятся к войне.

Вот только Север и Юг подойдут к ней в далеко неравных условиях.

До возвращения памяти он размышлял лишь, каким образом со своими несомненными способностями получше устроиться в этой жизни, прикидывая на себя различные роли, профессии и кланы. А после с жадностью набросился на информацию о мореходах, которая может быть интересна и его учителям, Кругу Дыма, Красному Терему. Самому верховному Нуллу.

История. Организация общества. Ресурсы. Военная мощь.

Вот с последним – с прискорбием и неохотой, но приходится это признать – у северян обстоит куда лучше. О паровых котлах и двигающихся с их помощью кораблях из небесной брони, которым уже не нужен ветер и не так важны течения, у алонкеев и слыхом не слыхивали. Разве что поставить в тот же ряд «живой янтарь»; так ведь тот не бесконечен, а двигатели можно клепать и клепать до самого конца света. Даже собственные дирижабли Орден Механиков создал на основе когда-то захваченных дирижаблей северян.

Хоть Луис и бахвалился перед другом-Альбатросом своим высоким положением в Круге, на самом деле большая часть новостей доходила до него на уровне слухов, просачивающейся или добываемой информации. Например, он давно уже знал, что за Границей Ада есть жизнь, и не только давние странствия ароновского отца тому порукой... Но зачем будоражить этим знанием простых алонкеев, правда? Тем более что реакция южан на подобное известие нисколько не будет отличаться от реакции северян.

В университете Муса Луис-Найдёныш быстро понял, что ему уготована вечная роль живого паса – будут сдавать в аренду, что ли, чтобы заработать лишние мары на научные исследования? Правда, профессор Алица поговаривала, что внутренний пас Найдёныша наверняка сходен с тем, что имеется в мозгах перелётных птиц, и при этом так хищно поглядывала на его голову, что Луис убоился, что в конце концов ему вскроют череп в попытках обнаружить этот необычный и лишний для человека орган. И предпочел будущей вивисекции Орден Реки.

Не поэтому, конечно. Просто этот Орден казался куда перспективней в плане выхода за пределы лабораторий и питомников: ведь предсказаний ждут все, сейчас и всегда. А не тогда, когда по просьбе заказчика или

из любопытства учёных будут селектированы с востребованными качествами животные-растения, а то и сами люди.

Утерянный то ли островитянами, то ли каким-то мореходным кланом талантливый парень выдал очень высокий процент точности предсказаний, став своего рода университетской знаменитостью. Постепенно к его помощи начала прибегать не только профессура, но и их друзья и родственники. И чем дальше, тем более влиятельные и богатые. Предсказания требовались всё серьёзнее и точнее, Луис двигался всё выше и дальше от бесправного, никому неизвестного испытуемого, а потом и студента университета Муса...

Пока не оказался на этом самом месте.

Ему больше не удалось связаться с друзьями, со своим Югом, хотя Луис постоянно пытался. Даже несколько раз, в различные сезоны, отправлялся на юг: может, там, у самого Барьера, ткань мира тоньше и вновь получится увидеть Арона и Рику? Последняя попытка закончилась тем, что осколок Кристалла у него на глазах рассыпался в мельчайшее стеклянное крошево. То ли закончилось время службы Камня, то ли покровитель-Радужный Змей покинул воды Севера... Луис ссыпал сверкающие останки в вечно волнующиеся прибарьерные воды и понял, что теперь окончательно остался один.

Чем дальше Найдёныш продвигался, чем большего достигал, тем больше менялась его конечная цель.

Даже если его возьмут в команду какого-либо парохода – например, того, на котором отправятся избранные учёные и эмиссары Тайной Канцелярии – вдруг именно этот корабль не пробьётся сквозь Барьер? К чему тогда все бесценные сведения о народе мореходов, которые он неустанно добывает? В отличие от многих Луис верил, а потом, ориентируясь на свои видения, уже и знал, что мореходы с их упорством и тягой к неизведанному (невольно вспомнишь Альбатросов!) сумеют преодолеть границу между севером и югом: раз такое получалось у одиночек, почему не может получиться у целой боевой эскадры? Тем более всё чаще поговаривают, что Барьер уже не тот – куда меньше выкидывает свои знаменитые фокусы, периоды затишья становятся протяжённее, ветра и течения – не такими коварными и непредсказуемыми...

Не лучше ли как можно дольше тормозить непрестанно наращиваемую военную и техническую мощь северян, оттягивать штурм Барьера – чтобы обитатели Таплиса успели подготовиться к встрече незваных гостей?

Он нашёл недовольных. Не только среди тех, кто скептически смотрит на преодоление Барьера, но и тех, кто противится всему новому:

тех же промышленников-производителей парусины и строевого корабельного леса; Почтарей, уже не так необходимых на многих островах и архипелагах: кому нужны эти заносчивые спецы и их хрупкие живые посланники, когда сообщения можно передавать по проводам; чиновников, лишённых привычной mzды от заказов на производство того да сего. Ну и глав всех мастей, рангов и кланов, традиционно отрицающих любое нововведение, исходящее от верховного тана. А там оказалось и до самой Лиги недалеко. Мелкий, практически неопределяемый саботаж, вполне объективно объяснимые задержки, порча необходимых для новых заводов и верфей продуктов и сырья... А следом – взрывы на заводах паровых двигателей в Бора-Бо, покушение на главу Тайной Канцелярии и на самого верховного тана в Бризоли... Неудивительно, что правящий клан так быстро подсутился с отправлением эскадры кораблей к Барьеру: мало ли что ещё может приключиться!

А сегодня... Губы Найдёныша тронула улыбка.

Двое собеседников решили, что эта улыбка адресована Ингрид – девушка насупилась, отворачиваясь.

Он приглядывал за своей бывшей хозяйкой издали. Знал, когда она закончила университет. Знал, что не вернулась в свою рыбацью факторию, а по приглашению самой Алицы делла Муссон осталась работать в Мусе. Даже послал ей подарок по этому поводу – хотя и анонимно, с припиской «от старых верных друзей». Да и за карьерой приглядывал: слово там, намёк здесь... Правда, сомневался, что вольнолюбивая девушка задержится в лаборатории надолго – ей там слишком тесно. Но раз она всё ещё здесь, что ж... значит, её мечта сбылась.

Луис внезапно спохватился: если сегодня всё пойдёт не так, лучше, чтобы его рядом с ней не видели! Уже корил себя, что подошёл поприветствовать: не только по старой доброй памяти, но и себя показать: вот он я, ваш Найдёныш, хозяйка! Смотрите, как далеко я забрался!

Натуру не изжить.

Да к тому же...

– Не думал, что вы так заинтересованы в новых кораблях, госпожа яру Пассат! Собираетесь остаться здесь до прибытия верховного тана?

– Конечно, – кивнул циклонец, девушка по-прежнему демонстративно игнорировала его вопросы. Луис окинул взглядом наброшенную на плечи Ингрид куртку Анжэ: уже и та не спасала от порывов ветра, прихотливо гуляющих между железными боками пароходов.

– Сейчас сообщили, что его прибытие откладывается – пока неизвестно насколько. Госпожа и без того уже продрогла. Может, вам будет удобнее – и теплее – дожидаться в свободном закрытом экипаже на пристани? Если желаете, я распоряжусь.

Он сделал ошибку, предложив свою помощь, – понял это, когда Ингрид выпрямилась, скрестив на груди руки (и из упрямства и теплее) под озабоченным взглядом спутника.

– Ингрид, может, и правда?..

– Ничего подобного! – блеснула глазами девушка. – Я нисколько не замерзла и совершенно спокойно могу дождаться отплытия пароходов на пирсе!

Ну что ж, время и впрямь ещё есть, он придумает, как удалить её отсюда подальше. Луис поклонился:

– Простите, госпожа яру Пассат, господин де Циклон! Служба зовёт. Эта пара, как я понимаю, те самые знаменитые брат с сестрой из клана Мистраль? Как удачно! Сегодня здесь собрался просто цвет всех кланов! Желаю вам от души насладиться зрелищем.

И надеюсь, что зрелище всё-таки состоится...

Анжэ проводил его одобрительным взглядом. Заметил с искренним восхищением:

– Видно птицу по полёту, капитана по швартовке! Малыш-то наш оказался не промах! Смотри-ка, как взлетел!

– Ну-ну, поглядим! На верхушке мачты долго не усидишь! – раздражённо перебила его Ингрид. – И хватит о нём! Коли отплытие задерживается, может, договоритесь с друзьями и всё-таки сводите меня на экскурсию на какой-нибудь пароход?

– Это можно, – охотно согласился циклонец. – Заодно там и, – универсальный жест, изображающий выпивку, – чуток согреемся! Я быстро!

Он устремился к ближнему к пристани кораблю – судя по названию, как раз флагману паровой флотилии. Добро бы опять не на целый час! Ингрид зябко передёрнула плечами и поплотнее закуталась в его куртку. Выпить что покрепче – хорошая идея. От игристого вина, что разносили на пирсе официанты, только холоднее стало.

Против своей воли девушка вновь отыскала глазами фигуру Найдёньша, как он там себя поименовал... Луис Тапу? Тапу – явно какое-то островное имя, значит, он всё вспомнил о себе, что происходит не из семьи мореходов... Теперь, наверное, будет числиться в этом новом клане Нортеров. Хотя, со своей изворотливостью, свободно мог и соврать: может, его попросту изгнали с родного клана или вовсе выбросили за борт за какое-нибудь преступление вроде той же кражи – ему ведь, похоже, не привыкать уже!

Парень стоял на самом краю пирса; заложив руки за спину, неотрывно смотрел на море. Ветер трепал алую ткань одежды и чёрные отросшие волосы. Кстати, несмотря на явные признаки достатка – дорогую

одежду, драгоценности, ухоженность – выглядит он что-то не очень. Слишком бледный, похудевший, тёмные круги под глазами, как будто его вновь мучают ночные кошмары и носовые кровотечения... Рука прямо сама собой потянулась коснуться белого высокого лба: что с тобой, лихорадит, не доедаешь?..

Ингрид аж зашипела с досады, сердито отворачиваясь: да что ж такое?! На что тебе его болячки, его память, достижения и неудачи? Ты ведь давно поклялась не то что никаких дел с ним не иметь, но и даже не думать, не вспоминать о нём!

Просто он сам внезапно выскочил перед ней морским чёртом. Ошарашил.

Очень вовремя сверху, с борта парохода, закричал и замахал обеими руками Анжэ-Циклонец: экскурсия всё-таки состоится. Ну что ж, ознакомимся с этим чудом техники и отвлечёмся от чуда жизни одного недоутопленника...

За полчаса они оглядели трубы (пока не дымящие), измерили шагами непривычно гулкую верхнюю палубу и оружейную, заглянули в машинное отделение, где дремали загадочные штуки, что приводят железный корабль в движение, придают скорость, недостижимую для самого быстрого фрегата. Молоденький и явно влюблённый в новую технику провожатый сыпал всеми этими цилиндрами, поршнями, ползунами, патрубками, валом и прочим, что было для Ингрид, да и для циклонского капитана, грамотой, непостижимей даже знаков сотканых узоров острова Эо.

Потом, наверху, они распили-таки бутылочку, принесённую собратом-циклонцем, отправляющимся на этом самом пароходе. Да к Анжэ то и дело подходили знакомцы, обнимаясь и обмениваясь тумаками и новостями. При виде спутницы, конечно же, отпускали соответствующие шуточки и вопросы, которые девушка натренированно игнорировала или отбрасывала – чем таким могут её удивить циклонцы, чего она в родном Пассате не слышала?

Опершись о фальшборт, задумчиво уставилась на гавань, старательно оглябая взглядом пламенеющую фигуру на оконечности пирса – совсем не одинокую, народу вокруг отиралось предостаточно, как же, важная шишка теперь!

Подстёгнутый загадками машинного отделения ум меж тем решал более раннюю задачку «говорящих» камней отвергнутого кольца. Пока не выдал сознанию вполне годную версию.

– Это первые буквы! – выпалила девушка, так круто разворачиваясь к подошедшему Анжэ, что тот, отпрянув, пролил вино из бокалов, которые к ней нёс.

– Что?

– Первые буквы названий камней, да?

Женщины считают, что говорить о чувствах – всегда вовремя! Анжэ улыбнулся.

– Я полагал, все девицы знают язык цветов и камней наизусть! Но конкретно вам, Ингрид яру Пассат, оказывается, ещё учить и учить алфавит мужских подарков! Ну, и что же вы там смогли такого прочесть?

И послушно умолк по нетерпеливому взмаху её руки. Уставившись перед собой, девушка шевелила губами и писала пальцем на невидимой доске. Ещё и бормотала при этом:

– Так, какие же камни там были... ага... но с какого начать?.. с самого крупного? Самого дорогого? Слева направо? От центра?

Забавлявшийся капитан облокотился спиной о фальшборт и, отхлебывая то с одного то с другого бокала, наблюдал, как госпожа учёная прилежно пытается разгадать загадку, с которой справилась бы любая белошвейка.

...Судя по количеству камней, это либо длинное слово, либо целая фраза. Хм, задачка скорее для филологов, но Анжэ с секретом своего кольца задел не только её чувства, но и гордость учёного! Рубин, падпараджа, змеевик... изумруд, нефрит белый, нефрит зелёный, алмаз... и ещё один аквамариново-синий... как его, редкий... еже... или ере?... еревит? ермевит? Впрочем, важна ведь только первая буква. Чёрт морской, да дайте же кто-нибудь бумагу!

Раздраженно оглядевшись, девушка пошарилась в сумке и, с просветлевшим лицом воскликнув: «Ага!», извлекла карандаш. Подоткнув юбки, непринуждённо опустила на корточки и принялась писать буквы на светлом металле палубы. Анжэ смотрел на неё и неудержимо улыбался: кажется, он придумал, как привязать к себе эту учёную рыбачку! Надо просто время от времени подкидывать ей каких-нибудь милых её сердцу чудовищ, а также загадки и задачки – и тогда она точно никуда от него не денется, никогда с ним не соскучится. Даже когда под ногами дрогнул и загудел пароход, застучала множеством ног выстраивающаяся для встречи верховного тана команда, Ингрид лишь вскинула отсутствующие глаза, рассеянно огляделась и вновь погрузилась в свой акроним.

Но уж пароходного гудка даже она пропустить не смогла: выронив карандаш, заткнула уши, сжалась. Анжэ и сам пригнулся от неожиданности. Смеясь и ругаясь, присел рядом, прижав к груди её голову. Ингрид глянула на него снизу: ещё расширенные в испуге глаза, полуоткрытые в вопросе губы... И он исхитрился-таки её под шумок поцеловать.

Отпустил, когда стихла пароходная сирена и кто-то рядом одобрительно засвистел.

– Признание! – выпалила девушка ему в лицо.

– А? – спросил слегка дезориентированный циклонец. Ингрид встала, деловито поправила юбки и пояснила:

– Ваше кольцо. Значение камней на нём: «Признание», правильно?

– А. Ну да, – слегка задетый (а что, поцелуя она вообще не заметила?) Анжэ поднялся следом. – Я уже столько раз вам признавался, но вы почему-то упорно считаете это шуткой.

– Может, потому что вы очень любите пошутить? – Ингрид опёрлась обеими руками о фальшборт. – Что, верховный тан наконец прибыл?

– Похоже на то, – Анжэ встал рядом, поглядывая на неё искоса. Улыбается... Чему – его признанию или тому, что наконец нашла решение? Внизу, на пирсе, поднялся какой-то шум, волнение, в нарядную толпу, тесня и раздвигая её, врзались солдаты и как из-под земли возникшие люди в тёмной неприметной одежде – агенты? – Что там такое?

– Расчищают тану дорогу? – предположила Ингрид.

– Не похоже... – нахмурившись, Анжэ глядел, как из толпы выхватывают то того, то этого и, не слушая вопросов и протестов, уводят с пирса. – Какая-то заварушка, сейчас ещё и стрелять начнут!

Словно в подтверждение его слов на самой оконечности пирса, где среди нарядных и ярких мореходов по-прежнему выделялся Найдёныш в своей пламенной одежде, раздалось несколько выстрелов. Охнувшая-вскрикнувшая публика подалась назад и остановилась, сдерживаемая солдатами. Моряки на пароходах наоборот рванули на тот борт, где лучше видно и слышно, – циклонцы, одно слово!

– Что там такое?! – Ингрид так рискованно перевесилась через фальшборт, что Анжэ схватил её за плечи. – Что они делают?

Насколько он видел, «они» только что пристрелили человека рядом с Найдёнышем. Второго по соседству тоже задело – рухнул на колени. Лишь «малыш» даже не шевельнулся – по-прежнему стоя на самом краю пирса, разговаривал с офицером.

– Они что, собираются его арестовать? Что он опять такого натворил?

Самому бы хотелось знать. Анжэ быстро огляделся: шестое чувство, помогающее ему оставаться в живых, сейчас просто истошно вопило ему в оба уха.

– Давайте отойдём и...

И не договорив, рванул на себя Ингрид, опрокидываясь с ней навзничь – на целое мгновение раньше, чем палуба ударила их в пятки. В обнимку с девушкой циклонец перекатился под прикрытие труб.

Вспышка ослепила даже сквозь зажмуренные веки, словно над ними взорвалась сама Матушка.

Грохот, стучащие по металлу камни. Крики. Подкидывающие паролод внезапные высокие волны.

...Когда двое, наконец, осмелились поднять головы и оглядеться, увидели, что пирса больше нет.

Что-то пошло не так.

Он не сразу это понял. Заметил. Слишком был погружен в свои мысли – раз за разом прокручивал про себя порядок, очерёдность будущих событий – так, как они были запланированы Лигой.

Прибытие верховного тана. Торжественное напутствие. Разбивание традиционной бутылки о форштевень флагмана... хотя моряки уже смочили его кровью чёрного петуха – как ни странно, но эта традиция у мореходов и алонкеев одинакова, уж не были ли они раньше, до великих потрясений и разделения суши и океана Барьером-Границей единым народом?

Следующим будет предсказание, выданное флотилии на дорожку. Так как после транса предсказатель Луис Тапу традиционно плохо себя чувствует, никто не удивится, что его под обе ручки уведут случившиеся рядом известные промышленник и купец, члены всё той же Лиги.

Ну а остальные доделают то, что должны.

Задержка прибытия верховного тана никого не удивила. Чем больше затягивалось время ожидания, тем больше среди публики распространялась версия, что поскольку Френдель Бриз в последнее время не совсем здоров, скорее всего, вместо него прибудет его сын-наследник. Луис поймал озабоченный взгляд купца Мика эль Торнадо и улыбнулся успокаивающе – не совсем то, что они планировали, но и потеря любимого отпрыска наверняка выбьет из колеи и расстроит далеко идущие планы верховного тана! Он был уверен, что всё получится, ведь только сегодня утром в трансе проверял успех задуманного: ослепительный огонь, взлетающие в воздух куски пирса и человеческих тел...

Найдёныш поискал взглядом: похоже, его бывшая хозяйка всё же сдалась перед холодом и долгим ожиданием и ушла с пирса – со своим циклонским спутником или без. Вот и славно.

Когда наконец внутри флагмана зарокотала адская паровая машина и раздался оглушительный пароходный гудок, от которого у всех заложило уши, соратники переглянулись с улыбками облегчения: ну наконец-то! Скопившаяся на пристани и на пирсе нарядная толпа зашевелилась, вытягивая шеи, оглядываясь, тесня друг друга и раздвигаясь. Поправляя длинные алые рукава, Луис отвернулся от гавани, чтобы вместе со всеми поприветствовать тана, и вдруг понял: что-то изменилось.

Кроме солдат-полиции, среди зрителей присутствовали, разумеется, и агенты Тайной Канцелярии: прилично, неброско одетые люди со

стёртыми лицами скромно стояли или лавировали между празднично одетых людей. Их можно было отличить единственно по цепкому взгляду – и то если встретишься с ними глазами.

Но теперь агентов стало вдруг слишком много: они рассредоточились по пирсу, разделяя толпу на маленькие группки, оттесняя их к самому краю.

Расчищая место для споро и уверенно шагающих людей в форме.

Луис перехватил панические взгляды соратников: «Мы раскрыты, что делать?!» – и очень понадеялся, что в его собственном не отразилось нечто подобное. Офицер, шагавший между недоумённо и испуганно роптавших людей, время от времени указывал на того или другого, на морехода коршунами накидывались солдаты, утаскивали на пристань. Кое-кого Луис знал, другие были ему неизвестны – тоже члены Лиги? Просто кажущиеся подозрительными? Или под шумок решили проредить ещё и просто неугодных верховному тану людей?

Военная кавалькада остановилась в нескольких шагах от группы в самом конце пирса. Офицер оглядел бледные испуганные лица казенно скучным взглядом, и столь же скучным голосом произнёс:

– Мик эль Торнадо, промышленник. Дон мак Фён, купец. Предсказатель, именующий себя Луис Тапу. Вы арестованы по обвинению в членстве в преступной организации под названием Лига, в подготовке террористического акта и покушении на жизнь верховного тана!

Агенты живенько оттеснили от названной тройцы остальных растерянных зевак.

Неизвестно, собирался ли мореход из Торнадо на самом деле сопротивляться, или его резкое движение к поясу под богатым камзолом было чисто рефлекторным, но солдаты, стоявшие по бокам офицера, отреагировали мгновенно.

Крови от изрешетивших его пуль было много, часть её угодила на длинную мантию Луиса. Алонкей, поморщившись, отшагнул назад от рухнувшего на пирс тела: конечно, красное на алом не так заметно, но всё же...

Затрясшийся купец рухнул на колени, забормотал что-то: то ли моля о пощаде, то ли невнятные оправдания. Предсказатель отступил и от него. В следившем за ним взгляде офицера впервые прорезалось какое-то чувство – любопытство?

– Если собираешься прыгнуть в воду, это бесполезно. Вытащим и откачаем.

– Нет, – ответил ему Луис честно. – Не собираюсь.

Не время размышлять, кто их предал или выследил. О том, что мины, заложенные во всех четырёх парходах, наверняка уже найдены и обезврежены. Вообще не время думать о своей неудаче.

И о том, как остаться в живых – тоже.

Стоявший уже на самом краю пирса – дунь мягчайший ветерок и впрямь опрокинешься в волны – Луис улыбнулся поверх левого плеча офицера официантам, с вытаращенными глазами прижимавшим к груди подносы. Этим двум парням было плевать на неумолимый прогресс и даже на верховного тана, главенствующий клан слишком многое им задолжал и чтобы этот должок вернуть, им было не жалко ни чужих, ни своих жизней. Нашёл и знал о них только сам Луис. Как и о кое-чём ещё, заложенном несколько ночей назад в пустотах под покрытием пирса.

Офицер ещё только машинально поворачивал голову, прослеживая его взгляд, а огонь уже бежал по промасленным фитилям, на котором висели праздничные трепещущие флажки, и под временным ограждением, заботливо защищающим народ от нечаянного падения в воду. Конечно, это не пороховой погреб, куда угодил вражеский снаряд, но вполне достаточно, чтобы в воздух взлетела большая часть пирса.

За миг до взрыва Найдёныш отвернулся от берега.

Мир ахнул и треснул пополам. Вместо знакомой чёрно-синей воронки сегодня была ослепительно-алая, потом ослепительно-белая, как раскалённый полуденный Номо.

И в ней он, наконец, схватил протянутую навстречу руку.

Я нашёл тебя.

Я возвращаюсь...

Литературно-художественное издание

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Найдёныш

Повесть

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки – рисунок из интернета.

Что он как-то говорил Арону об использовании Камня? Нужна безусловная вера в само существование, в могущество Радужного Змея.

Вот как раз теперь он верит. Уже в Пасти дракона, за несколько минут до того, как «Гончую» заглотила гигантская воронка, он своими собственными глазами видел плывущего параллельным курсом гигантского морского змея. И потом... Луис зажмурился, возвращая воспоминания, которые привык считать кошмарным сном: бурление, шум, гул в ушах, в самой крови, немеющие руки отчаянно пытаются раздвинуть толщу воды, которая окружает тебя повсюду – сверху, снизу, сбоку – вырваться, спастись... и без сил опускаются. Последней чёткой и трезвой мыслью становится: всё, ты погиб. А последним ощущением – как нечто подкидывает тебя снизу, увлекает за собой гибким длинным телом вкупе с сопровождающим вихревым течением, и ты рефлекторно хватаешься за холодное, твёрдое, режущее пальцы... чешую?

Это Змей вынес его из того водоворота. Буквально на себе, безумного седока, осмелившегося оседлать божественное морское чудовище.

Так что с верой проблем уже нет.